

«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 1860-х ГОДОВ

(ПО СЛЕДСТВЕННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Чл.-корр. Академии наук СССР

М. В. НЕЧКИНА

1

«Земля и Воля» 1860 годов — крупнейшая после декабристов русская революционная организация — изучена крайне недостаточно. Бедность ее своеобразной историографии очевидна: монографий, ей посвященных, еще не существует, нет даже статей, освещающих ее историю в целом. Ее историография состоит чаще всего из более или менее беглых упоминаний в общих обзорах русского революционного движения (А. Тун, Б. Б. Глинский, М. Балабанов и др.)¹, или в учебной литературе², из небольших попутных экскурсов в специальных исследованиях, посвященных другой тематике (работы М. К. Лемке, Ю. М. Стеклова, А. А. Шилова, Б. П. Козьмина³ и других), из двух-трех статей, помещенных в общих энциклопедиях⁴. Казалось бы, литература, посвященная А. И. Герцену, должна изобиловать обширными экскурсами на тему о «Земле и Воле», — ведь А. И. Герцен и Н. П. Огарев были в числе создателей и руководителей этой революционной организации. Однако — удиви-

¹ А. Тун. История революционных движений в России, пер. В. Засулич, Д. Кольцова и др., Женева, 1903, стр. 91 и 92 (немецкое издание 1883 г., первое русское — 1901 г.); Б. Б. Глинский. Революционный период русской истории, т. 1, СПб., 1913, стр. 151—158; М. Балабанов. Очерк истории революционного движения в России, т. II, 1929, стр. 51—52. Я говорю об опубликованных материалах и не касаюсь поэтому рукописи С. С. Татищева «Революционное движение в России», составленной для департамента полиции, в которой, впрочем, «Земле и Воле» также отведено очень мало места.

² Здесь наиболее подробен и ценен текст о «Земле и Воле», принадлежащий Ш. М. Левину в вузовском учебнике «История СССР», т. II, изд. 3, М., 1954, стр. 437—440; ср. изд. 1, М., 1940 и изд. 2, М., 1949.

³ В двух сборниках статей М. К. Лемке («Очерки освободительного движения «шестидесятых годов»», СПб., 1908 и «Политические процессы в России 1860 гг.», Пг., 1923) таких экскурсов очень мало и нет ни одного очерка, специально посвященного «Земле и Воле». Б. П. Козьмин останавливается попутно на «Земле и Воле» в книгах «Казанский заговор 1863 года», М., 1929, «П. Г. Заичневский и «Молодая Россия»», М., 1932, в вводной статье и комментариях к публикации «Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция»» («Литературное наследство», т. 41—42, М., 1941) и в ряде других публикаций; он также не посвятил «Земле и Воле» ни одной специальной работы.

⁴ Наиболее ценной является статья в дополнительном (XXI) томе «Большой Энциклопедии» изд. «Просвещение», СПб., 1907. Небольшая справка в БСЭ, т. 17, изд. 2, стр. 12—13 содержит ряд неточностей в характеристике программы и не упоминает об одном из самых больших и активных отделений организации — Казанском.

тельным образом — даже последние по времени монографии о Герцене, в сущности, «обходятся» без этой темы (Д. И. Чесноков, Я. Е. Эльсберг⁵), продолжая в этом отношении линию дореволюционной историографии. Лишь в последнее время положение начинает заметно меняться — появляются первые специальные статьи, посвященные отдельным существенным сторонам жизни «Земли и Воли», — почин здесь принадлежит Е. Н. Кушевой, опубликовавшей в 1941 г. статью «К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и Волей» 1860-х годов»⁶, сопровождаемую публикацией новых документов. В 1954 г. в печати появилась ценная статья Я. И. Линкова, сосредоточенная на роли Герцена и Огарева в этой революционной организации⁷.

В преобладающем большинстве случаев все авторы, в той или иной мере останавливавшиеся на «Земле и Воле», широко использовали комментарий М. К. Лемке к «Полному собранию сочинений» А. И. Герцена, где в расчлененных и разрозненных текстах комментатора, относимых то к одному, то к другому герценовскому документу, М. К. Лемке, в сущности, дал наиболее подробный и ценный из существующих в литературе очерков истории «Земли и Воли» 1860-х годов. Правда, разъединенные тексты комментария не сведены М. К. Лемке в цельную картину, сильно рассредоточены, субъективно построены и нередко противоречивы; многие свои ответственные положения М. К. Лемке не считает нужным доказывать, другие, напротив, надежно обосновывает на первоисточниках; он крайне увлечен полемикой между А. А. Слепцовым и Л. Ф. Пантелеевым, двумя значительнейшими мемуаристами «Земли и Воли», делает ее, в сущности, основным стержнем изложения, и это придает известную «однобокость» главной линии его повествования. Но все же, несмотря на все эти недостатки, мы едва ли ошибемся, если скажем, что концепция М. К. Лемке наиболее подробна и доселе преобладает в литературе, — многие из позже писавших авторов не только принимают ее в целом и повторяют тот же фактический материал, но даже сохраняют многие формулировки и стилистические обороты М. К. Лемке⁸.

Круг первоисточников, на которых строится изучение «Земли и Воли», очень содержателен и разнообразен, но еще не все источники прочно введены в исследовательский оборот. М. К. Лемке использовал преимущественно мемуарные данные — в том числе воспоминания Л. Ф. Пантелеева, имевшиеся у него записи рассказов А. А. Слепцова,

⁵ Я. Е. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество, три издания, последнее — М., 1956; Д. И. Чесноков. Мирозрение Герцена, М., 1948. Особенно противоречива в этом отношении позиция Я. Е. Эльсберга: он взял на себя «подведение итогов» дискуссии по вопросу о русской революционной организации в годы революционной ситуации середины XIX в. и написал на эту тему обширную статью в «Литературной газете» от 7 июля 1955 г., однако в указанном выше издании своей книги о Герцене Я. Е. Эльсберг вновь обошел вопрос, отделившись от него формальным замечанием, что изучение «Земли и Воли» это дело историков (стр. 503, прим. 1). Но тогда зачем же было подводить итоги дискуссии по вопросам, по которым сам автор признает себя некомпетентным? Книга Эльсберга «А. И. Герцен» имеет подзаголовок «Жизнь и творчество», — но ни главы, ни даже параграфа, посвященного «Земле и Воле», которой Герцен отдал столько жизненных сил, — в книге опять нет.

⁶ Е. Н. Кушева. К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и Волей» 1860-х годов. «Литературное наследство», т. 41—42, М., 1941, стр. 82—105.

⁷ Я. И. Линков. Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и Воля». «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 114—130. Я. И. Линков также вводит здесь в исследовательский оборот ряд еще мало использованных документов.

⁸ Критические замечания в адрес М. К. Лемке встречаются очень редко, наиболее часты они у Ю. М. Стеклова, который в работе о Н. Г. Чернышевском развернул убедительную критику главного источника М. К. Лемке — воспоминаний А. А. Слепцова (см. Ю. М. Стеклова. Н. Г. Чернышевский, т. II, изд. 2, М.—Л., 1928, стр. 266—274). Некоторые ценные критические замечания о концепции М. К. Лемке высказаны также Б. П. Козьминым (см. Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 года, стр. 21 и др.).

Г. П. Гофштетера, И. И. Шамшина, а также письма и бумаги Н. Утина⁹. Материалы из архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева Лемке также использовал, но как можно теперь убедиться, не во всей полноте¹⁰.

К сожалению, мы располагаем только мемуарами Л. Ф. Пантелеева, — все остальные перечисленные Лемке воспоминания (А. А. Слепцова, Г. П. Гофштетера, И. И. Шамшина) пока не дошли до нас. Мы можем оперировать лишь выдержками из этих материалов, приведенными в тексте Лемке (наиболее обширны и часты цитаты из воспоминаний и записей устных рассказов А. А. Слепцова)¹¹.

Бросается в глаза, что ни М. К. Лемке, ни другие авторы, писавшие о «Земле и Воле», как правило, не пользовались таким ценным и содержательным источником, как относившиеся к ней судебные-следственные материалы. Более того, М. К. Лемке не только не включил их в свой перечень первоисточников, но создал легенду, что такого рода материалов для «Земли и Воли» вообще не было. По его мнению, правительство «не открыло никогда нитей «Земли и Воли», не привлекало к ответственности главных ее членов, — и имеется в архиве III отделения лишь тощенькое («всего в несколько листов») вздорное дело шантажиста Ф. Афендика, который «пощипал» по этому случаю кассу с.-петербургского полицмейстера, но ничего толкового не указал и, «наконец, скрылся»¹². Подобный вывод Лемке — чистейшее недоразумение. То, что следственные дела «Земли и Воли» 1860 г. еще не вошли в прочный исследовательский оборот приносит серьезный ущерб ее изучению.

В фонде Особого Присутствия Правительствующего Сената (ОППС) хранится несколько крупных документальных комплексов, имеющих прямое отношение к «Земле и Воле». Основной задачей настоящей статьи и является введение в исследовательский оборот наиболее важного из этих

⁹ Широко распространено мнение, что очерк М. К. Лемке построен почти исключительно на бывших в его распоряжении мемуарах А. А. Слепцова и что эти не дошедшие до нас воспоминания являются единой рукописью. И то и другое неточно. Лемке пишет (в следующей далее цитате нумерация источников для ясности введена мною): «Я много лет подбирал оставшиеся от шестидесятников крохи для истории эпохи вообще, а «Земли и Воли» в частности. Наиболее ценными материалами, имеющимися в моем распоряжении, надо признать: 1) бумаги из архива семьи Герцена; 2) записи, сделанные мною под диктовку недавно умершего сенатора И. И. Шамшина и А. А. Слепцова; 3) тетрадь, написанную по моей усиленной просьбе А. А. Слепцовым вслед за выпуском в 1905 г. воспоминаний Л. Ф. Пантелеева, впервые сказавшего что-то связанное (как казалось) о «Земле и Воле»; 4) записи, врученные мне лет двадцать назад родным братом жены Г. З. Елисеева, Г. П. Гофштетером и, наконец, 5) несколько писем и 6) особый набросок Н. И. Утина». (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, Пг., 1920, т. XVI, стр. 70). Из этого перечня, во-первых, видно, что из шести перечисленных источников четыре носили мемуарный характер, один эпистолярный (письма Н. Утина) и лишь в одном из них — первом по порядку перечисления («бумаги из архива семьи Герцена») и особо сложном по составу — имелись материалы разного типа (в том числе подлинные документы «Земли и Воли», возникшие в процессе ее деятельности, — прокламации, распоряжения ЦК и др.). Во-вторых, из этого же свидетельства следует, что мемуарных текстов А. Слепцова было два (а не один), причем разных по характеру: 1) запись, сделанная М. К. Лемке под диктовку А. Слепцова, и 2) «тетрадь» полемикаческого характера, написанная самим А. Слепцовым против Л. Ф. Пантелеева. Не только мемуары А. Слепцова, но и воспоминания Г. П. Гофштетера и И. И. Шамшина, записанные Лемке, не дошли до нас.

¹⁰ Так, например, пять конспиративных документов из герценовской коллекции Пражского архива, опубликованных мною в «Литературном наследстве», т. 61, по-видимому, остались неизвестными М. К. Лемке, хотя находились в архиве семьи Герцена. Не использовал Лемке и ряд документов, позже вошедших в Софийскую коллекцию, и др.

¹¹ По моему подсчету, у М. К. Лемке приведено 18 крупных цитат воспоминаний А. А. Слепцова, но в некоторых из них отражены, по-видимому, как можно судить по контексту, не только рассказы этого мемуариста, но также записи устных сообщений И. И. Шамшина и Г. П. Гофштетера. Полностью разобраться в этом можно будет лишь в том случае, если подлинные материалы будут обнаружены.

¹² А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 100 (комментарий М. К. Лемке). Этот вывод тем более удивителен, что сам Лемке изредка использует для истории «Земли и Воли» именно следственные материалы.

комплексов, известного в литературе под названием «дела И. Андрущенко», почти не использованного для исследования «Земли и Воли». Дело это, относящееся к 1863 г., можно с полным основанием назвать делом «Земли и Воли», точнее — делом ее Московского отделения.

2

Дело И. Андрущенко вообще очень редко цитируется. В 1865 и 1866 гг. А. И. Герцен опубликовал в «Колоколе» кем-то похищенный и присланный ему официальный отчет следствия¹³ по этому делу, не сопроводив его никакими пояснениями. Объемистый текст печатался последовательными частями в 1865 и 1866 годах в шести смежных номерах «Колокола» (с 208 по 213) и имел практическое значение предостережения оставшимся на свободе революционерам: дело еще длилось, приговор еще не был вынесен, перечень имен выданных людей и сводка полученных сведений предупреждали уцелевших. В. Бурцев в своей публикации «За сто лет» почему-то обошел этот важный документ, дав лишь несколько ссылок на И. Андрущенко в хронике революционного движения, составившей вторую часть его работы. В 1905 г. В. Богучарский перепечатал текст опубликованного в «Колоколе» документа¹⁴, но текст этот слабо отразился в исторической литературе, — ссылок на дело Андрущенко¹⁵ нет ни в «Очерках освободительного движения «шестидесятых» годов», ни в «Политических процессах в России 1860-х годов» М. К. Лемке. В тех редких случаях, когда дело И. Андрущенко все же упоминается в литературе, обычно привлекается лишь текст публикации В. Богучарского; указаний же на подлинное многотомное архивное дело мне вообще не встречалось. Между тем оно заслуживает самого пристального внимания исследователей «Земли и Воли» 1860-х годов. Оно состоит из 11 объемистых томов¹⁶, содержащих в общей сложности 10 769 архивных листов, не считая вещественных доказательств и выделенных для военного суда дел об офицерах Столпакове и Белозерском, а также дел следствия в Вильне, которое велось под наблюдением М. Муравьева-Вешателя и связанных с этим же комплексом дел III отделения.

Нередко имя Андрущенко сопровождается словом «предатель», и у читателя может сложиться впечатление, что речь идет о правительствен-

¹³ Характер документа мне удалось определить на основе архивной рукописи, включенной в состав одного из томов «дела Андрущенко» (ЦГИА, ф. III отд. След. Ком., д. 111, лл. 29—114). Он носит в подлиннике опущенное Герценом заглавие: «Записка, составленная из производства высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной Комиссии о коллежском регистраторе Иване Андрущенко, дворянах: Юрии Мосолове, Николае Шатилове, Петре Пушторском и других лицах»; подписана «записка» делопроизводителем Переяславцевым (в «Колоколе» подпись отсутствует). Я предпочитаю цитировать подлинник, а не опубликованный текст, ввиду большого количества ошибок публикации Я. Богучарского (у него встречается искажение смысла слов: «казенные» вместо «казанские», «Моан» (!) вместо «Иван», неточная передача фамилий: Тымзинский, вместо Тыщинский и др. даже пропуски неразобранных слов). В фонде ОППС имеется еще один рукописный экземпляр этого отчета.

¹⁴ «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах», Париж, 1905; переиздано в том же году в России «Донской Речью», в дальнейшем цитируется: «Материалы».

¹⁵ Опубликованный А. И. Герценом текст (как правило, — по перепечатке Богучарского) цитировали М. К. Лемке, А. А. Шилов, Б. П. Козьмин, П. Г. Рындыонский и некоторые другие исследователи. Там, где далее имя Андрущенко дается без инициала, имеется в виду Иван Андрущенко (не смешивать с Евгением Андрущенко, братом Ивана, — участником студенческого движения 1860 гг., также привлеченным по данному делу).

¹⁶ Названия томов, несколько варьируя, повторяют следующее основное заглавие: «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной Комиссии о Васильковском уездном землемере коллежском регистраторе Иване Андрущенко, операторе Степане Носе, дворянах Юрии Мосолове, Николае Шатилове и других лицах». Указанные 11 томов включают в себя все этапы следствия — от допросов в Черниговской полиции до Государственного совета.

ном шпионе или провокаторе, выдавшем организацию. Между тем Иван Андрущенко — ни то, ни другое. Он был в свое время усердным и активным членом «Земли и Воли», участвовал в конспиративных заседаниях, распространял, ежеминутно рискуя, большое количество нелегальной литературы, выполнял ответственные и очень опасные поручения организации, — например, удачно организовал побег из тюрьмы землевольца Ивана Кельсиева. Он не растерялся во время ареста (в Чернигове, летом 1863 г.) и на глазах жандармов успел, несмотря на их вмешательство, проглотить особо конспиративный документ — программу «Земли и Воли». Сам он был выдан поручиком Герасимовым, донесшим по начальству, что его товарищ подпоручик Белозерский получил от Андрущенко нелегальную литературу. Однако, будучи арестованным и очутившись в дальнейшем в стенах знаменитого Алексеевского рavelина, Андрущенко не вынес допросов и стал предателем уже в процессе следствия, — он дал весьма откровенные показания. Андрущенко надломился после крушения разработанного им сложного плана спастись, подсказав друзьям благоприятные для себя показания: с трудом достав через уголовных арестантов чернил и бумаги, он написал письма друзьям «на волю», объясняя им, в какое положение попал, и подробно излагая, какие именно показания надо дать в его пользу. Запечатав все письма в один пакет, он доверил его для отправки по почте уголовнику Альфонскому, покидавшему черниговскую тюрьму. В задуманном плане, объективно говоря, были шансы на удачу, но случилось так, что Альфонского задержали и письма отобрали. В руках следствия сразу оказались, таким образом, документы, полностью разоблачавшие Андрущенко да еще написанные его собственной рукой! Это событие и нанесло окончательный удар его стойкости, надломило его и толкнуло к последующим «откровенным показаниям». Андрущенко умер 5 сентября 1865 г. в С.-Петербургском военном госпитале «от чахотки легких»¹⁷. Трагическим результатом его «откровенных показаний» был арест большого количества членов «Земли и Воли» и лиц, к ней причастных. Всего по «делу Андрущенко» было привлечено 39 лиц¹⁸.

Основным выводом следственной комиссии была констатация существования тайной революционной организации «Земля и Воля». Обвинение в принадлежности к ней стояло на первом плане в обосновании приговора.

¹⁷ ЦГИА, ф. ОППС, д. 78, л. 116.

¹⁸ Имена преданных суду: 1) И. Андрущенко, 2) П. Пушторский, 3) Ю. Мосолов, 4) А. Столяков, 5) Н. Шатилов, 6) П. Лебединский, 7) И. Зайончковский, 8) А. Новиков, 9) Я. Сулин, 10) А. Левашов, 11) С. Басов, 12) П. Холодковский-Цибульский, 13) И. Шипов, 14) А. Ильинский, 15) Н. Ильинский, 16) Н. Сорокин, 17) И. Савинов, 18) Варвара Зайцева, 19) И. Речицкий, 20) И. Каратаев, 21) К. Козловский, 22) И. Маслоковец, 23) А. Белозерский, 24) А. Тыщинский, 25) С. Нос, 26) Э. Кундт, 27) В. Шмиденкамф, 28) И. Донской, 29) И. Дриго, 30) Дорошенко, 31) Ф. Клетчковский, 32) М. Головин, 33) Е. Андрущенко, 34) Г. Коваленко, 35) Н. Смирнов, 36) В. Белозерский, 37) С. Тоон, 38) И. Полосатов, 39) Анна Третьякова. ЦГИА, ф. ОППС, д. 78, л. 116. «Откровенные показания» И. Андрущенко нанесли серьезный удар революционному движению. Чрезвычайно важна в этом отношении та характеристика, которая дана этим «откровенным показаниям» членом Центрального Комитета «Земли и Воли», и активным участником движения Н. Утиным в его работе «Пропаганда и организация», опубликованной в «Народном деле»: «Только тогда достигнет организация истинного значения и действительного могущества в своем развитии, когда самым составом ее и системой ее устройства будет пресечена возможность не только историй, подобных истории Андрущенко, Ветошникова, Кельсиева и многих других, где болтливость перед следственной комиссией и совершенно невынужденное выдавание лиц доходило до позорного цинизма, — но и вообще самая возможность выдачи даже двух лиц, хотя бы под пыткой» (Н. И. Утин. Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее. «Народное дело», 1868, № 2 и 3, октябрь, Женева. Речь идет здесь не об Иване, а о Василии Кельсиеве, вступившем на путь ренегатства, авторе «Исповеди»). Заметим попутно, что на «Народное Дело» как на источник для изучения «Земли и Воли» первым указал П. Л. Лавров в своей работе «Народники и пропагандисты» (Л., 1925, стр. 14).

В соответствии с хронологией дела И. Андрущенко основной материал для истории «Земли и Воли», который можно извлечь из него, тяготеет к весне и лету 1863 г., — главным образом ко времени сейчас же после открытия Казанского заговора. Это особенно повышает его интерес, так как об этом периоде известно немного. Однако нас интересует не просто «дело Андрущенко» как таковое, не самый «сюжет» открытия пропаганды на Украине, ареста, следствия, его этапов и позднейших судебных мытарств арестованных лиц до и после окончательного приговора. В центре нашего внимания другой вопрос: что дает этот архивный комплекс для истории самой организации «Земля и Воля»? Судебно-следственные материалы, как уже отмечалось, не только не были введены в историю этой организации — отрицалось даже самое их существование. В силу этого извлечь из указанного источника то, что он может дать для истории самой организации, представляется вполне целесообразным с научной точки зрения¹⁹. Сосредоточим теперь изложение на этой стороне дела, в нужных случаях привлекая, разумеется, для сопоставления другие первоисточники по истории «Земли и Воли». Для ясности выделим следующие вопросы, около которых сконцентрируем изложение: 1) структура «Земли и Воли», 2) программа «Земли и Воли», 3) практическая деятельность «Земли и Воли».

3

Начать анализ содержания многотомного дела И. Андрущенко именно с внутренних организационных вопросов «Земли и Воли», с ее структуры, необходимо для того, чтобы представить себе самый характер организации. Без этого невозможно, как мы увидим далее, ни изучить ее работу над программой, ни познакомиться с внутренней борьбой, с этим связанной. Тем менее возможно раскрыть практическую деятельность организации, не представив себе предварительно ее внутренней структуры.

Из рассматриваемого архивного комплекса с полной несомненностью следует, что существовал руководящий Центральный Комитет организации.

Многочисленны прямые свидетельства о его существовании. Вот одно из них: И. Андрущенко показывает, что в 1863 г. «после святой недели» (т. е. после праздника пасхи) «Мосолов открыл мне о существовании Петербургского (Центрального) Комитета и, что он и Шатилов знают там кое-кого»²⁰. В «Свободе» № 1 прямо сказано, что Русский Центральный народный комитет является представителем антиправительственной организации «Земля и Воля». Это же революционное издание заявляло, что Центральный народный комитет, «естественным течением обстоятельств поставленный во главе русского революционного движения, отвечает перед каждым членом общества «Земля и Воля» в том, что он будет неуклонно и постоянно вести дело к предполагаемой цели — к разрушению императорского самодержавия и к торжеству народных интересов»²¹.

Существование Центрального Комитета засвидетельствовано не только обильно представленными документами, имеющими печать Центрального Комитета (круглая голубая печать со словами по кругу: «Русский Центральный Народный Комитет» и в центре слова: «Земля и Воля»). О нем, что особенно важно, говорит и самая деятельность Центрального

¹⁹ Я не ставлю, разумеется, перед собой задачи исчерпать в сравнительно короткой статье этот объемистый источник, — я остановлюсь ниже лишь на главных сторонах дела. Гораздо подробнее я использую его в своей монографии «Земля и Воля», над которой работаю.

²⁰ ЦГИА, ф. ОППС, д. 72, л. 668.

²¹ «Свобода», № 1, 1863 г.

Комитета: он разрабатывает программу, — к нему посылают за ее получением из местных отделений. Центральный Комитет решает вопрос, печатать программу типографски или распространять в рукописном виде с печатью (предпочитается последний способ). К Центральному Комитету обращаются за разрешением на побег для заключенного в тюрьму, члена организации — и побег организуется только после того, как получено разрешение от Центрального Комитета и передан Комитетом разработанный маршрут побега²². К Центральному Комитету от местной организации обращаются за получением денежных средств для организации побега, — денежные средства выдаются: так было в случае побега Николая Утина, Ивана Кельсиева, Д. Квятковского и других. И в других случаях финансирование предприятий тайной организации также идет из этого источника. Так, мы узнаем о выдаче отсюда средств для революционеров, ссылаемых на каторжные работы, о финансировании тайных типографий. Оба номера «Свободы» изданы Центральным Комитетом и снабжены его печатью. С целью печатания нелегальных агитационных изданий Центральный Комитет организует тайные типографии и поручает печатание членам организации. Центральный Комитет издает, кроме программы, и особую (за своей печатью) инструкцию, которая знакомила вновь вступающих с основными задачами общества и указывала правила приема членов. В подлиннике эта инструкция до нас не дошла, но в деле Андрущенко имеются подробные показания о ее содержании²³. Эта инструкция содержала также упоминание о наличии в Лондоне при «Колоколе» особой «открытой кассы» для приема пожертвований для «Земли и Воли» от тех лиц, которые по своему семейному положению или «другим причинам» не могут деятельно участвовать в «общеприродном деле», но могут денежно помочь организации. Известно, что такая касса действительно существовала — «Колокол» многократно печатал сообщения о приеме пожертвований такого рода. Известно также, что Центральный Комитет снабжал своих агентов особыми квитанциями для сбора пожертвований внутри России, — деньги, таким образом собранные, и пополняли, очевидно, тот фонд, из которого черпались средства для тайной организации. Мы узнаем, что номера квитанций разделены: до № 1000 они действуют за границей, а с № 1001 — в России²⁴.

Местонахождением Центрального Комитета был Петербург. Персональный состав его должен был в целях конспирации оставаться неизвестным рядовым членам.

Для связи членов «Земли и Воли» между собою и для выполнения принятых поручений Центральный Комитет дает особые «сертификаты» со своей печатью на обороте, причем такой сертификат заполняется в момент дачи лицу поручения. О любых поручениях в конспиративных целях должны оповещаться только их исполнители. Отправляя Андрущенко в Петербург узнать, готова ли новая программа «Земли и Воли» и каковы дальнейшие намерения организации (стоял острый вопрос о всеобщем выступлении 1863 г.), а также за разрешением от ЦК на побег Ивану Кельсиеву, — Ю. Мосолов (глава Московского отделения) — в присутствии Андрущенко заполнил такой «сертификат», написав на нем (без упоминания фамилии подателя): «Удовлетворите, если можно, подателя, — если что нужно, можете сообщить — человек на-

²² Получение маршрута побега от ЦК было необходимо в силу того, что только Центральный Комитет знал всех членов организации и мог направить побег по пунктам, где они находились и могли оказать помощь бежавшему. Другой причиной была необходимость из конспиративных соображений не повторять маршруты побегов, что мог обеспечить также только Центральный Комитет

²³ ЦГИА, ф. III отд., д. 111, лл. 29 и сл.

²⁴ Там же.

дежный». На обороте был «голубой штемпель» — печать Центрального Комитета «Земли и Воли»²⁵.

С аналогичным сертификатом приезжают из Казанского отделения в Московское.

Центральный Комитет «Земли и Воли» имел, как увидим далее, тесную связь с Польским тайным обществом. По-видимому, имелись связи и с Закавказьем.

Кто именно входил в Центральный Комитет в середине 1863 г., из дела Андрущенко в силу некоторых его особенностей ответить не удастся. Следствие, так сказать, «остановилось» как раз перед этим вопросом, — его закрыли умелые показания Ю. Мосолова о якобы полном разрыве с Центральным Комитетом и стойкое и осторожное поведение П. Пушторского, продуманно использовавшего расхождение в следственных датах свидания его с И. Андрущенко и командировочного удостоверения последнего. Но несколько имен имеют основание быть названными. Это, во-первых, имя Н. Утина: Д. Т. Степанов показал, что Н. Утин хранил печать общества «Земля и Воля» и руководил типографским печатанием его воззваний, — хранение печати, очевидно, могло быть функцией лишь члена Центрального Комитета. Вхождение Н. Утина в Центральный Комитет подтверждается, как известно, его личным свидетельством и многими другими. Однако он мог исполнять эти обязанности внутри России только до своего бегства за границу — то есть до начала мая 1863 г., — далее он действовал уже за рубежом. В Центральный Комитет входил также, как известно, А. Слепцов, что подтверждается как личным его свидетельством в воспоминаниях, цитированных М. Лемке, так и мемуарами Л. Пантелеева, но в деле Андрущенко эта роль Слепцова осталась нераскрытой. По функциям жившего в Петербурге П. Пушторского, многократно засвидетельствованного в деле Андрущенко, он также должен был входить в состав членов Центрального Комитета с конца 1862 г. и в середине 1863 г., — это видно из того, что он ведал сношениями «Земли и Воли» с Польским обществом, что едва ли могло быть поручено рядовому члену (показания Андрущенко и поляка В. Г. Коссовского). Это подтверждается и тем, что именно к нему Московское отделение «Земли и Воли» обратилось за получением только что принятой программы организации. Согласно Центрального Комитета на побег И. Кельсиева из московской тюрьмы за границу также было получено от Пушторского. А так как весной и летом 1863 г. действовал Комитет, избранный в конце 1862 г., надо предположить, что П. Пушторский тогда был, как и прочие упомянутые члены, избран (или переизбран?) в Центральный Комитет «Земли и Воли». Четвертым именем, которое необходимо предположительно назвать, является имя Михаила Семеновича Гулевича, также проживавшего в Петербурге. Доводы для этого предположения — те же самые, что и в случае Пушторского: Андрущенко был направлен в Петербург к двум лицам: Пушторскому и ли Гулевичу. Как тот, так и другой могли ответить ему на вопросы о программе, связать его с Польским обществом и передать ему разрешение Центрального Комитета на побег И. Кельсиева и маршрут побега, а также согласовать побег Квятковского с Польским комитетом. Если эти доводы ведут к предположению участия в Центральном Комитете П. Пушторского, то они равным образом обосновывают и предположение о М. Гулевиче. Побег М. Гулевича за границу сейчас же после ареста П. Пушторского также не противоречит, а скорее подкрепляет это предположение. К то-

²⁵ ЦГИА, ф. ОПС, д. 73, л. 181; Более подробно описание «сертификата» в показаниях Н. Шатилова; он говорил, что печать на нем была большего формата, чем на прокламациях, и вместо подписи было «что-то вроде вензеля красными чернилами, составленного из букв: «З. В.»». (Там же, д. 75, л. 18 об.).

му же о вхождении в Центральный Комитет М. Гулевича свидетельствует также Л. Пантелеев в своих воспоминаниях²⁶.

С местными отделениями «Земли и Воли» Центральный Комитет осуществлял связь через своих «агентов», сносившихся с лицами, возглавлявшими эти местные организации. Так, Ю. Мосолов показал, «что (Центральный) Комитет имеет агентов своих в разных местах по губерниям, лежащим на Волге» (речь шла при этом о связи с волжскими организациями)²⁷.

Сколько же было местных областных отделений «Земли и Воли»? Прежде всего надо указать на Петербургское отделение и дифференцировать его от Центрального Комитета (в литературе о 1860-х годах они нередко смешиваются²⁸). В разбираемом нами деле Петербургский Комитет почти не упоминается в силу особенностей самого дела, не связанного именно с ним. Но яркое свидетельство, говорящее о различии организаций, имеется в письме Н. Утина к М. М. Стасюлевичу, написанном после бегства Н. Утина из России (май 1863 г.). Утин раскаивался, что бежал, «не поверив Центр. Комитету, что опасность угрожала мне вовсе не такая серьезная, как представлялась Петербургскому Комитету»²⁹. Об областной Петербургской организации несколько раз упоминает и М. Слепцова в своих воспоминаниях — и в данном случае последние не противоречат многочисленным показаниям других источников.

Об особо сильном Московском Комитете «Земли и Воли» будет сказано ниже, — он требует более подробного разбора, поскольку дело И. Андрущенко и есть, собственно, более всего дело Московского отделения «Земли и Воли».

По мемуарным данным Л. Пантелеева нам известно, что была попытка организовать Вологодский комитет, чтобы «весь север и часть северо-восток связать в одно целое»³⁰. Это поручение было дано А. Слепцовым Л. Пантелееву, причем ему поручено было связаться по этому вопросу с сосланным в Вологду Я. Н. Бекманом и П. Н. Рыбниковым, проживавшим в ссылке в Петрозаводске. Л. Пантелеев рисует этот замысел, как не удавшийся; А. Слепцов, напротив, говорит о вологодском (северном) отделении «Земли и Воли», как о существующем. Верить последнему имеется, на мой взгляд, больше оснований. А. Слепцов (возможно, не он один) говорил М. К. Лемке о существовании отделений «Земли и Воли» в Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Астрахани, Твери, Туле, Владимире, Курске, Полтаве³¹. О последнем говорится и в

²⁶ Л. Пантелеев пишет, что приблизительно к этому же времени в Центральный Комитет «Земли и Воли» входили: он — Л. Пантелеев, Н. Утин, М. Гулевич и Ф. Судакевич после выхода из него П. И. Бокова и А. А. Жука (См. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ред. и коммент. С. А. Рейсера, Academia, 1934, стр. 287). Как видим, дело Андрущенко подтверждает это свидетельство для Н. Утина и М. Гулевича, но не дает материалов для двух остальных фамилий. Ввиду того, что именно вопрос о составе Центрального Комитета наименее раскрыт делом Андрущенко, последнее обстоятельство не дает, на мой взгляд, оснований отрицать вхождение в Центральный Комитет тех или иных лиц, о которых имеются дополнительные свидетельства: может быть, они и входили, но дело И. Андрущенко просто не содержит об этом данных в силу своих особенностей.

²⁷ ЦГИА, ф. ОППС, д. 72, лл. 666, 667об.

²⁸ Смешение это заметно, например, в мемуарах Л. Пантелеева. М. Слепцова же в своих воспоминаниях «Штурманы казачий край» ясно отличает Центральный Комитет от областного Петербургского («Звенья». т. II, М.—Л., 1933, стр. 441 и др.).

²⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 98 (комментарий М. К. Лемке).

³⁰ А. Слепцов спрашивает Л. Пантелеева: «Не можете ли вы рекомендовать когонибудь для поездки в Уральский казачий край? Там надо установить отдел нашей организации» (Л. Ф. Пантелеев. Цит. соч., стр. 261). Далее воспоминания Пантелеева рисуют затею как брошенную и нереализованную. По контексту разговор происходит в 1862 г. еще до ареста Н. Г. Чернышевского. Заметим, что имеются данные о революционных кружках на Урале для этого и последующего времени (См. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 85 (комментарий М. К. Лемке)).

³¹ Свидетельства А. Слепцова (См. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 83—85).

деле Андрущенко. По воспоминаниям Л. Пантелеева, Центральный Комитет намеревался организовать Уральское отделение; о Пермском отделении, как о существующем, свидетельствует и А. Слепцов. Данные об уральских революционных организациях и их связях с Герценом и с внутрирусским центром уже имеются и идут навстречу этому предположению.

Дело И. Андрущенко не оставляет сомнений в существовании Нижегородского Комитета. Он не только прямым образом упомянут Мосоловым и Пушторским в разговорах с И. Андрущенко, но мы видим его и в действии: он активно распространяет прокламационную литературу, хранит ее запас, предоставляет убежище бежавшим революционерам, явно связан с Казанским заговором. Возглавляет Нижегородское отделение, по-видимому, Н. В. Копиченко. Пушторский все же отмечал в разговоре с Андрущенко затруднительность связи с нижегородскими агентами³².

Казанский Комитет был одним из значительнейших отделений «Земли и Воли». Крупную роль в нем играл Иван Умнов — один из учеников Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии, человек, воспитанный им и всей душой ему преданный. И. Умнов, очевидно, был глубоко осведомлен в конспиративных делах центра, так как составленная им прокламация «Долго давили Вас, братцы» в ряде мест сильно похожа на прокламацию Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам».

Имеется свидетельство Л. Пантелеева в воспоминаниях о наличии членов «Земли и Воли» в Саратове. Ряд других данных также идет навстречу предположению, что в Саратове было отделение «Земли и Воли», — об этом свидетельствовал А. А. Слепцов³³.

На вопрос И. Андрущенко, есть ли агенты на юге, Пушторский сказал, что есть лишь в Полтаве, — попытка организовать агентуру в Киеве не удалась, в Чернигове же организации пока нет. Именно наладить эти связи и поручалось И. Андрущенко, отправлявшемуся на службу в Чернигов и имевшему многочисленные личные связи на Украине.

Должна быть особо упомянута русская военная организация «Земли и Воли» в Польше, основанная энтузиастом, глубоко преданным революционному делу, — А. Потейней и насчитывавшая, по свидетельству А. Слепцова, около 200 человек.

Нельзя сказать, что перечень отделений «Земли и Воли» — уже сформированных и работающих и лишь намечающихся — этим исчерпан. Вопрос требует дополнительных разысканий. Маршруты, разрабатывавшиеся Центральным Комитетом для побега арестованных революционеров, очевидно, составлялись с учетом наличных членов «Земли и Воли», а может быть, и отделений в городах по пути. В частности, обращает на себя внимание Таганрог (маршрут И. Кельсиева). Н. Утин в своем письме к Центральному Комитету после побега не только благодарил за помощь, но отмечал, что на всем пути побега те связанные с организацией лица, которые ему были указаны в центре, оказались вполне достойными доверия.

Всего мы насчитали, по свидетельствам современников, не менее 14 местных отделений «Земли и Воли»³⁴. Ясно, что отделения эти были крайне неравноценны; есть среди них, по-видимому, и очень малочисленные, но есть и сравнительно крупные.

Московское отделение «Земли и Воли» было одним из наиболее крупных и активных. По свидетельству землевольцев (по-видимому, А. Слепцова), записанному М. К. Лемке, в него входило 400 человек. Если это

³² ЦГИА, ф. III отд., д. 111, лл. 45 об. и сл.

³³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 83 (комментарий М. К. Лемке).

³⁴ Вот общий перечень упомянутых отделений: Петербургское, Московское, Вологодское («Северное»), Нижегородское, Казанское, Саратовское, Астраханское, Уральское (Пермское), Тверское, Владимирское, Курское, Тульское, Полтавское; добавим военную организацию «Земли и Воли».

так, то «откровенные показания» Андрущенко провалили не все отделение, но лишь часть его, в составе которой, правда, находилось и руководство отделением (Ю. Мосолов и Н. Шатилов).

Московское отделение было законспирировано в оболочке «Библиотеки Казанских студентов»³⁵. Б. П. Козьмин полагает, что «Библиотека», влившись в 1862 г. в «Землю и Волю», превратилась «в ее Московское отделение»³⁶. Этот вывод, на мой взгляд, очень близок к истине, однако его категоричность требовала бы некоторых оговорок. «Библиотека Казанских студентов», так сказать, облекала Московское отделение, по выражению Андрущенко, была для него «как бы наружным покровом»³⁷. В «Библиотеку Казанских студентов» могли приходиться и сочувствующие движению лица, не бывшие членами тайного общества, — тут к ним присматривались и постепенно втягивали в революционное дело. Однако Ю. Мосолов предупредил Андрущенко, чтобы тот на собраниях «Библиотеки» не говорил бы с ним при всех о делах «Земли и Воли», а делал это конспиративно. Кроме того, когда надо было собраться для ознакомления с новой программой организации, это также было сделано не прямо на собрании «Библиотеки», а отдельно — на квартире И. Андрущенко и Я. Сулина. Таким образом, отождествлять «Библиотеку» и отделение нельзя. Интересен персональный состав «Библиотеки Казанских студентов» — до сих пор известны немногие имена. В показаниях по делу Андрущенко названо довольно много фамилий. В «Библиотеку» входили («членами ее являлись», как говорится в материалах следствия): Ю. Мосолов, Н. Шатилов, В. Маккавеев, И. Андрущенко, Краснощеков, Никифоров, Бундас, Бекучев, Никита Пашковский, двое Волосатовых, И. Савинов, П. Лебединский, Я. Сулин, А. Левашов, два брата Ильинские (Андрей и Николай), И. Зайончковский, Балахонцев, А. Новиков, Н. Сорокин, Б. Шостакович, Петерсон, Василий, Вячеслав и Платон Поповы, Висковатов, Константинов, Юферов, Вишневецкий, кн. Трубецкой, братья Потаповы, Хвостов, Гудин, Владыкин, Васильев, Горский, Вальковский, Овчинников, Макшанцев, Масленников, Копосов, Никольский, Хрущев, Матвеев и Квашнин-Самарин³⁸. Хотя в этом списке почти 50 человек, он все же не может считаться полным. Сказать, кто именно из перечисленных членов входил в Московское отделение «Земли и Воли», со всей точностью нельзя. Одни входили, другие лишь намечались как члены, подвергались пропаганде, использовались для поручений. Судебного преследования членов «Библиотеки» не было, многие остались на свободе и, поскольку не привлекались к дознанию, — подробных данных о них нет. Сначала «Библиотеку» возглавлял студент В. Маккавеев, позже трагически погибший (покончил с собой). После его смерти во главе

³⁵ О дате основания «Библиотеки казанских студентов» имеются разные показания. В литературе принято считать, что она основана в 1859 г. Ю. Мосолов показывает, однако, что «в год коронации Александра II» (т. е. в 1856 г.) несколько казанских студентов перешли в Московский университет и решили основать свою библиотеку («заведовал библиотекой покойной Маккавеев и я помогал ему в его трудах». — ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 101 об.). Н. Шатилов сообщает, что мысль основать «Библиотеку казанских студентов» сложилась с января 1858 г., когда студентам не удалось подписаться на журнал «Атеней». Они сложились по 3 руб. сер. в год и основали библиотеку (Там же, д. 73, л. 126). Андрущенко в 1859 г. был введен Маккавеевым в уже существовавший «кружок молодых людей» под названием «Библиотека казанских студентов».

Библиотека выписывала «Современник», «Искру», «День», «Русский Вестник», но главным образом покупались книги. Среди книг встречаются упоминания работ Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Упоминаются работы Прудона, Луи Блана.

Встречается указание на приобретение романов И. С. Тургенева («Тогда особенные споры возбуждали новые романы г. Тургенева», — показывает Ю. Мосолов. ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 101 об.).

³⁶ Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 года, стр. 19.

³⁷ ЦГИА, ф. III отд., д. 111, л. 34. См. «Материалы», стр. 113.

³⁸ Там же, ф. ОППС, д. 73, лл. 101 об., 124—124 об., 126—126 об., 127. Инициалы приведены лишь в некоторых случаях, в других они неизвестны.

«Библиотеки» стал Бундас, потом Ю. Мосолов, вслед за ним Н. Шатилов. Собрания «Библиотеки» происходили один раз в неделю по воскресеньям — сначала у Мосолова, потом в более поместительной квартире Квашина-Самарина, позже они были перенесены на квартиру Балахонцева (в связи с отъездом Квашина-Самарина)³⁹.

Руководителями Московского отделения «Земли и Воли» были Юрий Михайлович Мосолов и Николай Михайлович Шатилов. Чрезвычайно важно отметить, что оба были учениками Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии, — Шатилов в младших классах, Мосолов в более старших. Поскольку Мосолов кончил Саратовскую гимназию 17-ти лет⁴⁰, он, очевидно, был учеником Н. Г. Чернышевского года за два до окончания гимназии, когда учился в V и VI классах. Но связь с Чернышевским этим не ограничивалась. Семья Мосоловых, проживавшая в Саратове, а частью в Петербурге, имела давние связи с семьей Чернышевских. Знакомство семьи Чернышевского с Мосоловыми засвидетельствовано перепиской студента Чернышевского с отцом («У Мосоловых побывал бы с удовольствием, но некогда решительно», — пишет 19-летний Чернышевский в Саратов родителям 7 июня 1847 г. в хлопотах перед отъездом на каникулы)⁴¹. Будучи другом Н. Шатилова, а позже оказавшись с ним, несмотря на некоторую разницу лет, на одном курсе университета, Ю. Мосолов, очевидно, имел на него значительное влияние.

Необходимо вспомнить, что Н. Г. Чернышевский во время преподавания в Саратовской гимназии вел в классах среди гимназистов прямую революционную пропаганду. «Я не уверен в том, долго ли я буду пользоваться жизнью и свободой, — говорил Чернышевский в 1853 г. своей невесте Ольге Сократовне. — У меня такой образ мыслей, что я должен с минуту на минуту ждать, что появятся жандармы, повезут в Петербург и посадят меня в крепость... Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой — я такие вещи говорю в классе»⁴². Надо добавить, что не только урок в классе, а встречи на организованных Чернышевским в гимназии литературных чтениях, при раздаче книг из гимназической библиотеки (ею заведовал Чернышевский), длинные совместные прогулки с гимназистами, — все это давало Чернышевскому широкую возможность развивать в своих учениках революционные настроения. Никто из саратовских гимназистов не выдал Чернышевского. Связь его с «учениками-земляками» не прервалась и в последующее время. Как свидетельствует А. Н. Пыпин, бывшие саратовские гимназисты постоянно посещали Чернышевского в Петербурге. Заметим, что Ю. Мосолов имел для этого особо благоприятные условия, — в Петербурге позже жили его родители и он не раз навещал их, — заезжал к ним из Москвы (некоторое время в студенческие годы Мосолов жил в Петербурге). Предположение, что саратовский ученик из старой знакомой семьи посещал Чернышевского, не может встретить возражений.

Саратовские ученики благоговели перед Чернышевским, называли его «нашим просветителем». По мнению А. Н. Пыпина, «этот кружок молодых людей, без сомнения, и основал большую популярность Чернышевского в кружках молодежи, которая с великим интересом перечитывала его статьи»⁴³. Конечно, А. Пыпин напрасно приписывает популярность

³⁹ ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 126.

⁴⁰ См. собственноручное показание Ю. Мосолова — ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 37. Напоминаю, что V и VI классы не соответствуют теперешнему счету классов (теперь это примерно VII и VIII классы).

⁴¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 139.

⁴² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. 1, стр. 556—557.

⁴³ В последнее время вопрос о саратовских учениках Чернышевского получил новое освещение в ценной статье Е. Бушканца «Новые материалы о педагогической деятельности Чернышевского в Саратовской гимназии», в альманахе Саратовского отделения Союза советских писателей «Новая Волга», кн. 21, Саратов, 1954, стр. 151.

Чернышевского пропаганде именно бывших учеников-саратовцев: популярность Чернышевского имела более широкие и общие идейные корни, уходя в эпоху, в ее назревшие нужды. Но свидетельство А. Пыпина драгоценно в интересующем нас вопросе, — рисуя с новой стороны облик руководителей Московской организации «Земли и Воли», в прямом и непосредственном смысле слова воспитанных Н. Г. Чернышевским и, очевидно, тесно с ним связанных. Заметим, что во главе двух самых значительных областных отделений «Земли и Воли» — Московского и Казанского — стояли саратовские ученики Чернышевского. Кроме уже упомянутых М. Мосолова, Н. Шатилова и И. Умнова, можно указать на близкого с Шатиловым Г. Иловайского и землевольца Василия Михайлевского, также принадлежавшего к числу саратовских учеников Чернышевского. К ним же относится Турчанинов, связанный с Петербургским педагогическим институтом и познакомивший Чернышевского с Добролюбовым. Саратовский ученик Чернышевского — Михаил Воронов стал в Петербурге секретарем Чернышевского⁴⁴. Контролировавший работу литературных чтений Н. Г. Чернышевского в Саратове Н. Булич (в то время адъюнкт Казанского университета) пришел к выводу, что гимназисты проявляют себя как «развитые умы» и «прекрасные» диалектики, в силу чего «литературные беседы с их всеобъемлющим содержанием становятся... очень подозрительны», а принятая Чернышевским система вообще «чрезвычайно вредна»⁴⁵.

Все изложенное дает основание поставить вопрос: основывая в 1859 г. или около того времени тайный политический кружок «Библиотека Казанских студентов», мог ли Ю. Мосолов сделать это, не посоветовавшись со своим учителем, не поставив его в курс задуманного? Думается, не мог: из двух предположительных ответов на этот вопрос — положительного и отрицательного — можно, не колеблясь, предпочесть положительный. В том же, 1859 г. мы видим и Н. А. Добролюбова за работой по созданию тайной политической организации⁴⁶.

В 1889 г. Саратов хоронил Н. Г. Чернышевского. Никогда еще не видал город таких торжественных похорон, такого огромного стечения народа. Среди провожавших его в могилу выделялся высокий седой старик, который во время панихиды горько рыдал у гроба. Это был ученик Чернышевского — Юрий Мосолов — глава Московской организации «Земли и Воли»⁴⁷.

⁴⁴ Е. Бушканец. Указ. ст., стр. 142—151.

⁴⁵ Там же, стр. 147.

Заметим, что Чернышевский высоко ценил своих саратовских учеников: «В Саратове, например, я считаю себя выше всех по уму, — писал он в дневнике. — Я не говорю о молодых людях — может быть, в числе гимназистов есть несколько человек выше меня по уму» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 432. Дневник).

Некоторые ученики Чернышевского по Саратовской гимназии, кончив ее, поступили в Казанский университет (там принимались без экзаменов успешно кончившие Саратовскую гимназию, поскольку в то время Саратов принадлежал к тому же учебному округу), а потом перевелись в Московский университет. Ю. Мосолов принадлежал к их числу.

⁴⁶ Это доказывается сопоставлением известной записи «Из дневника» Н. А. Добролюбова от 5 июня 1859 г. с его же письмами к И. И. Бордюгову и М. И. Шемановскому. См. М. В. Нечкина. Вопрос о русской революционной организации и планах открытого выступления в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. «Литературное наследство», т. 61, стр. 478—481.

⁴⁷ Свидетельство М. Н. Чернышевского цитировано в книге: Ю. М. Стеклова. Н. Г. Чернышевский, т. II, изд. 2, стр. 642. Поскольку биография Мосолова почти не освещена в литературе (неизвестен даже год его рождения), привожу некоторые архивные данные биографического порядка, отразившиеся в его собственноручных показаниях на следствии.

Юрий Михайлович Мосолов, из дворян, родился в 1838 г. в имении своего отца — капитана Михаила Гавриловича Мосолова в Сердобском уезде Саратовской губернии. До 17 лет жил в Саратове, кончил Саратовскую губернскую гимназию, поступил в Ка-

Как Л. Пантелеев, так и А. Слепцов (и по его рассказам — М. Слепцова), свидетельствуют, что «Земля и Воля» была организована по «пятеркам». Каждый из членов «пятерки имел право в свою очередь организовать одну новую пятерку, члены которой могли знать только его одного, что предохраняло бы «пятерку» от провала⁴⁸. Исключением являлись лишь члены Центрального Комитета, которые могли организовать любое число «пятерок». Дело Андрущенко не дает чего-либо нового об организации этих «пятерок»⁴⁹, но содержит интересные данные о новой форме конспирации — «двойках».

Ю. Мосолов при отъезде И. Андрущенко в Петербург для связи с Центральным Комитетом по вопросам программы и организации побегов (И. Кельсиева и Д. Квятковского) дал Андрущенко, как указывалось выше, два адреса — П. Пушторского и М. Гулевица, сказав, что можно обратиться как к тому, так и к другому: оба представителя Центрального Комитета выполняли одну функцию⁵⁰. Присвоение одной функции двум членам тайного общества преследовало цель сохранения связей на случай провала одного из них. Андрущенко показал: «Тогда же Мосолов объяснял, что те лица, которые будут распространять пропаганду вне Москвы, должны выбирать надежного товарища, который должен знать о нем, т. е. о Мосолове и Шатилове, должен знать их адреса для сношений, а равно и им должен быть известен адрес избранного лица: так что в случае, если арестуют одного, то другой останется»⁵¹. Действительно, эту последовательную связь «двоек» мы наблюдаем в

занский университет на историко-филологический факультет. При переходе на второй курс перевелся в Московский университет, где курса не кончил, и отправился в Петербург «в намерении содержать себя трудами литературными или педагогическими». В Петербурге Мосолов был домашним учителем в семье генерала Типольта, с которым и позже не порывал связей, потом переехал в Москву (в 1861 г.) и летом того же года поступил на Нижегородскую железную дорогу сначала в качестве переводчика (там служило много французов), потом занимал разные должности в канцелярии управления железной дороги, получив затем после двух лет работы место управляющего делами канцелярии. В 1862 г. Мосолов женился на дочери титулярного советника девице Марии Ивановне Малеевой («За женой имения никакого не взял»). За восемь дней до ареста у Мосолова родилась дочь, — при обыске и аресте жандармы искали нелегальные материалы даже в люльке новорожденной девочки.

Ю. М. Мосолов проживал в Москве, в четвертом квартале Басманной части, в доме Савченко. Судя по следственным материалам, в его квартире бывали конспиративные собрания.

У Мосолова было два брата — один в 1863 г. проживал, будучи в отставке, в деревне Сердобского уезда, Саратовской губернии, другой — военный, служил в 17-й дивизии в чине майора. Из сестер — Аделаида Михайловна находилась в Петербурге в лечебнице, Евпраксия — в замужестве Буковская — в Саратовской губернии, Раиса — в замужестве Ивашкина — «не знает где» (ЦГИА, ф. ОППС, д. 72, лл. 606—607, 665; д. 73, лл. 97, 98—99 об. и др.).

Заметим, что семья Мосоловых любила музыку, — там часто пели и играли на фортепиано. Посаженный отец Мосолова — Федор Алексеевич Багрецов (двоюродный брат его жены) управлял знаменитым чудовским хором певчих. И. Андрущенко, посещавший Мосолова, показал, что стихотворная прокламация «Земли и Воли» (В. Курочкина) «Долго нас помещики душили» была положена «на голос» и пелась в Москве. Напрашивается предположение, что он слышал ее и в доме Мосолова, где сам играл (по собственному показанию) на фортепиано. О пении этой песни казанскими студентами имеется показание Н. Шатилова (ЦГИА, ф. ОППС, д. 75, лл. 17). Отметим кстати связи Мосолова с духовенством, характерные для разночинского движения: двоюродный брат его жены — священник (ср. ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, лл. 1, 124, 147, 180).

⁴⁸ Л. Ф. Пантелеев. Цит. соч., стр. 259 и др. (ср. стр. 712—примечания С. Рейсера); М. Слепцова. Штурманы грядущей бури, стр. 414 и др. Ср. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 77. Идея «пятерок» принадлежала Маццини.

⁴⁹ Вообще «пятерки», в сущности, не отражены в показаниях дела и даже косвенным образом не вытекают из них. Можно поставить вопрос, сохранили ли они свое существование в последний период деятельности «Земли и Воли».

⁵⁰ ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 180 об.

⁵¹ Там же, лл. 182, 183 об.

1863 г. (напомним, что Московскую организацию возглавляют два лица — Ю. Мосолов и Н. Шатилов). Теперь понятно, почему в списке офицерской организации «Земли и Воли» в Польше, сделанном рукою А. Потебни в записной книжке Н. П. Огарева, в каждом полку указаны два лица, возглавляющие организацию, — таких пар в списке приведено пятнадцать⁵². Напрашивается предположение, не заменили ли эти «двойки» прежние «пятерки»? На это наводит не только то, что в материалах, относящихся к 1863 г., нет слов «пятерки», но и показание членов Казанской организации Лаврского и Орлова, что открыть всю сеть казанских пропагандистов «положительно невозможно, ибо там существовала особая организация: каждый участвовавший обязан иметь у себя только одно лицо и ни под каким предлогом не группировать около себя центра». Это — те же «двойки»⁵³.

Таким образом, «сдвоенные» организаторы, или «агенты» «Земли и Воли», имевшие между собою тесную связь, восходившую к центру местного отделения или к Центральному Комитету, так сказать, «цементировали» организацию, в своем основном массиве состоящую из кружков. Никак нельзя отождествлять «пятерки» и тем паче «двойки» с кружками — существовали как те, так и другие.

«Земля и Воля» понимала себя как федерацию кружков. Кружки были, с одной стороны, ранее сложившимися организациями, с другой — образовывались вновь. Сеть организаторских «двоек» цементировала «кружки», связывала их с центром и между собою. Еще в первый период организации, когда наличествовали «пятерки», они также соединялись с включавшимися в «Землю и Волю» кружками; так, Н. Утин, член Центрального Комитета, организуемая «пятерки», одновременно оставляет за собой, по свидетельству Л. Пантелеева, «очень многочисленный кружок Судакевича» («Петербургскую Коммуну»), принявшую затем активное участие в печатании и распространении прокламаций⁵⁴. Н. Утин не расформировывает на «пятерки» этот уже сложившийся и «очень большой» кружок, а сохраняет его в целом, причем во главе кружка опять-таки наличествуют два члена — Судакевич и Островский. Вместе с тем в тексте воззвания «Земли и Воли» — «Офицерам всех войск» — содержится призыв: «составляйте офицерские кружки и примыкайте к нашему обществу». Составление кружков выглядит здесь даже как обязательная организационная предпосылка для того, чтобы примкнуть к «Земле и Воле». В «Свободе» № 1 и в многочисленных свидетельствах других документов ясно говорится об объединении кружков («Общество успело соединить в себе членов отдельных кружков»). В функции «агентов» общества «Земля и Воля» входило «соединить с обществом отдельные кружки, кроме тех, которые уже удалось соединить»⁵⁵. Вся эта картина соответствует мнению Н. П. Огарева, изложенному в конспиративном документе «Заграничные общества»: ранее (в «Записке о тайном

⁵² «Литературное наследство», т. 61, стр. 515—517. В списке имеются и редкие исключения: есть случаи, где упомянуто лишь одно лицо, в одном же случае — три.

⁵³ ЦГИА, ф. III отд., д. 111, л. 44. Ср. «Материалы», стр. 121. Казанская организация пользовалась старинным мasonicким уставом Вейсгаупта для подготовки членов (им интересовались еще декабристы, в частности Пестель). Однако точными данными, как были придуманы «двойки», мы пока не располагаем. А. И. Герцен был восхищен прекрасной организацией казанского отделения «Земли и Воли». (Ср. письмо к Сохновскому от 4 апреля 1863 г., А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 201).

⁵⁴ Л. Ф. Пантелеев. Цит. соч., стр. 280—281.

Замечу, что в тексте Л. Пантелеева, где мотивируется целесообразность «пятерок», допущена явная опечатка: «провались, например, Утин, так все, через него связанное, неминуемо открывається». Почему же «открывається»? Это зависит от стойкости на допросах. Надо читать не «открывається», а открывається. Это подтверждается и последующей мотивировкой: «значит, кроме него, еще кто-нибудь должен знать о всех, им приобретенных к организации» (см. Л. Ф. Пантелеев. Цит. соч., стр. 259).

⁵⁵ ЦГИА, ф. III отд., д. 111, лл. 40 об., 42.

обществе» 1857 г.) он считал возможным построить централизованное и растущее из единого центра постепенно пополняемое отдельными новыми членами тайное общество, теперь же, в 1862 г., он полагает, что «Единое централизованное общество невозможно; возможно только общество федеративное. Это доказывается фактом: в разных местностях образовались кружки; это совершенно противоположно карбонаризму, который рос из центра и от этого составлял единое централизованное общество. У нас даже 14 Декабря разделилось на Север и Юг — не потому, что они не вовсе сходились в тенденциях, — они на чем-нибудь да помирились бы, — но просто по географической пространности, на которой уже образовавшиеся отдельные кружки могут сойтись, но где рост из одного центра несбыточен»⁵⁶. «Земля и Воля» и соответствует этому последнему замыслу — федеративному объединению кружков, сомкнутых в единое целое конспиративной сетью деятельной «сдвоенной» революционной «агентуры», восходящей к единой направляющей силе — Центральному Комитету.

5

Вопрос о программе «Земли и Воли» — один из самых трудных и спорных в ее истории. Сложный и несколько пестрый состав «Земли и Воли», представлявшей собою федерацию кружков, спаянных с единым центром, не мог не повлечь за собою споров и разногласий по вопросам программы. Тем не менее по основным вопросам она была выработана. В литературе нередко встречаются беглые и немотивированные, мельком оброненные замечания о значительной «умеренности» программы «Земли и Воли», не сопровождаемые, однако, какой-либо документальной аргументацией. Есть столь же бегло высказанное мнение агностического порядка о том, что мы не знаем и никогда не узнаем ее программы. Между тем мы располагаем немалым количеством документов, свидетельствующих, во-первых, о самом наличии программы «Земли и Воли», и, во-вторых, о факте развития программы — она не была равна себе самой, не оставалась стабильной на протяжении короткого, но бурного и полного противоречий развития «Земли и Воли». Этими программными документами является не только известная прокламационная литература, отражающая многие существенные программные требования, но и свидетельства о наличии и содержании непосредственного программного документа организации, находящиеся как раз в интересующем нас деле Андрущенко.

Самый документ, как уже указывалось выше, не сохранился в подлиннике, но показания об его содержании сравнительно подробно и заслуживают внимания. По показаниям Андрущенко, Н. Шатилова и ряда других лиц мы узнаем, что уничтоженная программа организации была одной из наиболее радикальных в русском революционно-демократическом движении, — она требовала демократической республики, уничтожения чиновничьего бюрократического аппарата и замены его выборными лицами, требовала уничтожения частной собственности на землю, заводы и фабрики, перехода земли и промышленных предприятий в собственность государства, равенства прав женщины с мужчиной. Нельзя, однако, сразу перейти к анализу этой программы и выяснению ее места в истории развития программных требований «Земли и Воли»; ранее надо попытаться разрешить один довольно сложный вопрос, — принадлежит ли эта программа «Земле и Воле» или ее надо отнести только к ее Московскому отделению и рассматривать как документ раскола «Земли и Воли» — отделения от нее московской организации, решившей занять самостоятельное положение и порвать с Центральным Комите-

⁵⁶ «Литературное наследство», т. 61, стр. 502.

том? Последнюю версию упорно и с самопожертвованием отстаивал на допросах Ю. Мосолов, заменяя, однако, в своих показаниях конкретный перечень программных пунктов, приведенных Андрущенко, существенно «облегченной» передачей программы, в которой ей придавался просветительный характер. Суд в конце концов принял именно эту версию, включив ее в состав обвинительной формулы приговора Ю. Мосолову (она отражена и в «Мнении» Государственного Совета, утвержденном Александром II). Однако положиться на решение суда в этом сложном вопросе невозможно, необходимо разобрать его по существу. Для этого восстановим сначала в хронологической последовательности некоторые основные факты, рисующие ход событий, сюда относящихся.

«В конце лета или в начале осени 1862 г.», как показывает Ю. Мосолов, какая-то программа «Земли и Воли» уже существовала: когда Мосолов в это время вел переговоры с обществом, ему твердо обещали прислать программу («программа общества будет прислана»). Очевидно, Мосолов получил ее, поскольку вопрос считается ясным и больше не поднимается вплоть до весны 1863 г. Наличие в это время какой-то программы подтверждается и тем, что в первый же приход Андрущенко к Мосолову последний сообщил ему, что в Петербурге образовалось общество «Земля и Воля» с целью способствовать «изменению существующего государственного строя». Да и самое наличие многочисленных программных документов 1862 г. свидетельствует о том же с еще большей ясностью. Прокламацию Н. П. Огарева «Что нужно народу» на этом этапе часто считают программой «Земли и Воли»; она, конечно, отражала важные программные положения: лозунг «Земли и Воли» раскрывался в ней как требование не только передачи во владение крестьян той земли, которой они «теперь владеют», но и как лозунг дополнительной прирезки земли от помещиков тем крестьянам, которым «земли не в достачу», а также как требование наделения государственной землею дворовых и заводских крестьян, освобожденных без земли⁵⁷. Общинное землевладение, равные для всех подати (не превышающие податей казенных крестьян), сокращение расходов на войско, избавление народа от чиновников и замена их выборными от народа лицами — все это были чрезвычайно серьезные требования демократической программы. Однако «Что нужно народу» было прокламацией, обращением к народу, которое не исключало, а скорее предполагало наличие программы, требования которой оно отражало в своем содержании. Летом 1862 г. Мосолов не мог не знать прокламацию «Что нужно народу», вышедшую еще в 1861 г., а просил программу организации. Очевидно, речь идет о каком-то другом документе.

Во второй половине 1862 г. идет «образование Центрального Комитета». «Земли и Воли». Комитет «образован», то есть выбран вновь, по видимому, на исходе 1862 г.⁵⁸. Вслед за этим вновь возникает вопрос о программе, что очень естественно, — она пересматривается вновь, перерабатывается и в чем-то изменяется.

В первых числах мая 1863 г. И. Андрущенко, имея врученный ему Мосоловым «сертификат» общества с печатью «Земля и Воля», приезжает в Петербург к представителю Центрального Комитета П. Пушторскому, чтобы спросить о программе и выполнить ряд других поручений. Вопрос о программе, сформулированный Ю. Мосоловым, состоит, как передает Андрущенко, в следующем: «Поручил спросить о программе ко-

⁵⁷ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 530.

⁵⁸ Эта дата, как указывалось выше, определяется письмом И. Кельсиева к Е. Салиас, где время перевода его из петербургской тюрьмы в московскую определяется как время, когда уже образовался Центральный Комитет («Литературное наследство», т. 41—42, стр. 106); вероятно, это было первое центральное руководство после ареста Н. Г. Чернышевского.

митета, скоро ли она будет отпечатана и прислана». Очевидно, Мосолов уже знает о самом наличии программного текста в Центральном Комитете — он не спрашивает, составляется ли программа, идет ли над нею работа, об этом он, очевидно, осведомлен, — его интересует более конкретный и узкий вопрос о способе ее размножения (печатание) и о сроке ее получения.

П. Пушторский в тех же первых числах мая 1863 г. при первом же свидании с И. Андрущенко у себя на квартире сразу дает ему ответ на этот вопрос: «программа не будет печататься, а рукописная с печатью Комитета будет доставлена»⁵⁹. Надо признать, что и тут о программе идет речь, как о чем-то уже существующем, причем в Центральном Комитете к этому времени уже уяснен и частный вопрос о форме размножения и доставки программы. Пушторский не отвечает, что программа, мол, еще разрабатывается, не кончена и т. д. Он не требует ни малейшего срока, чтобы где-то справиться о программе и дать ответ на вопрос, — он уже знает все это, он в курсе дела — программа существует и будет прислана рукописная с печатью Комитета.

Вернувшись в Москву в середине мая, Андрущенко сообщает обо всем узанном Ю. Мосолову.

В первое воскресенье после 23 мая 1863 г., по показанию Андрущенко, собралась известная конспиративная «сходка» у него на квартире (он жил вместе с Я. Сулиным), причем в числе пунктов повестки дня был вопрос о программе. Знакомство с нею было особенно необходимо, потому что многие члены разъезжались на каникулы или на работу и должны были получить директивы о действиях в провинции, для чего крайне необходима была программа.

На этой «сходке» Мосолов и огласил программу. Разберем ее ниже, — сейчас же уясним себе, — чью программу? Имеются два ответа. По всему ходу предшествовавших событий надо признать эту программу — программой «Земли и Воли», разработанной после выборов Центрального Комитета и ко времени «сходки» уже полученной Мосоловым (о ней и справлялся Андрущенко). Мосолов, однако, характеризуя программу как чисто просветительную, утверждал на допросе, что это была лично им разработанная программа, так как он отколол Московское общество от излишне далеко зашедшего и крайне опасного общества «Земля и Воля», действия которого ни он, ни его товарищи якобы «не одобряли» и даже будто бы учредил слежку за членами своей организации, чтобы они, не дай бог, не подпали под влияние этого зловредного общества. Программу же нового, отколовшегося от «Земли и Воли» общества сочинил будто бы он сам, Мосолов, — подробности ее он, правда, «не помнит», но она была выражена «в форме идеала, к которому стремиться». Главным пунктом, о котором он нечто припоминает, была-де чисто просветительная деятельность — распространение книг, содержащих сведения «юридические, финансовые и экономические», обязательство для этого каждому члену иметь «под рукою» небольшую библиотеку, которую можно приобретать в складчину. Допросы сохранили и названия авторов рекомендуемых книг — Шлоссер, Милль, Прудон «и им подобные». Для связи членов столь мирного общества между собою почему-то понадобился шифр, который, это Мосолов признает, хотя и был тогда же придуман, однако никто-де им не пользовался. Что же касается оригинала программы, то Мосолов его у себя «не сохранил», «а тот листок, по которому читал, кто-то взял и не возвратил»⁶⁰. Собственно говоря, зачем же было Андрущенко выхватывать из рук жандармов и проглатывать столь мирную программу?

⁵⁹ ЦГИА, ф. ОППС, д. 72, л. 667 и сл.

⁶⁰ Там же, ф. III отд., д. 111, л. 36 об.

Можно ли верить этому показанию Ю. Мосолова и принять именно эту версию как действительную? Она столь противоречива и столь явно придумана с целью оборвать дальнейшее следствие, закончить его на себе и не дать ему идти в глубину организации, что трудно, на мой взгляд, говорить о ней, как о чем-то соответствующем действительности. Мосолов очень долго отказывался давать показания и не называл никого. Он жестоко страдал в тюрьме, оставив за ее стенами нуждающуюся, лишенную материальной опоры семью, восемь дней тому назад родившегося ребенка. Он героически держался на допросах, но, наконец, видимо, сломился (комиссия «видела его мучения»), разрыдался и признался, что о себе сказал бы все, но не решается «вводить в ответственность других лиц, соучастников своих». Наконец, он обещал написать все полно и подробно в каземате, «обдумавши все обстоятельства дела». И следователи — а за ними, надо сознаться, и исследователи — уже ждут, перелистывая листы дела, последующего «откровенного объяснения». Но, к удивлению следователей, перед нами твердым почерком написанное в каземате новое показание Мосолова, отвергающее предложенный путь и еще раз подтверждающее, что ничего «нового» он сказать не может. Ученик Н. Г. Чернышевского на этот раз оказался на высоте и остался непоколебимым.

Далее, несмотря на всю настойчивость допросов, Ю. Мосолов еще раз а повторил прежние отрицания. Но в то же время показания других арестованных в этот момент говорили ему с ясностью, что сознались уже многие, — в том числе его ближайший товарищ Н. Шатилов. И вот, лишь на этом этапе следствия Мосолов начинает выдвигать изложенную выше версию о полном отколе его общества от «Земли и Воли», об отрицательном отношении к ее намерениям и о полном личном авторстве «облегченной» программы. Это и есть его «откровенные показания». Спрашивается, — почему бы не признаться в этом раньше?

Надо признать принятый Мосоловым ход изумительно продуманным и многим облегчившим участь. Этим показанием он закрыл следствию дорогу к Центральному Комитету, который так и остался неоткрытым.

Против реальности версии, выдвинутой Мосоловым, говорит, во-первых, отсутствие показаний о полном отколе Московской организации у других членов, а показания такого рода были бы им крайне выгодны. Никто из 38 подсудимых «от себя» не показывает версии Мосолова. Не знают об этом якобы полном отколе и члены «Земли и Воли», оставшиеся на свободе. Иван Кельсиев, недовольный Центральным Комитетом, все же не оперирует фактом откола Московского отделения, ничего не знает о нем, хотя его широкая и детальная осведомленность о внутреннем положении в организации не вызывает сомнений. Свидетельств о спорах и разногласиях много, но о полном о б о с о б л е н и и Московского отделения есть лишь показание Мосолова. Во-вторых, налицо внутреннее противоречие: зачем же Мосолову посылать Андрущенко в Петербург с вопросом, будет ли программа в с е й о р г а н и з а ц и и печататься и вместе с этим всего через неделю-две откальваться и создавать свою программу? Одно не согласуется с другим. Не правдоподобнее ли предположить, что оглашалась на московской «сходке» именно та пришедшая из Петербурга рукописная программа, прислать которую в Москву и просил Андрущенко по поручению Мосолова?

Однако сторонники версии Мосолова могут сослаться на показание Андрущенко, в котором прямо говорится, что «Библиотека Казанских студентов», как пояснено было на собрании («сходке»), «не составляет одного целого с Петербургским комитетом». Если тут поставить точку, то цитата может быть истолкована как подкрепление версии Мосолова. Однако, если цитату продолжить, то мы узнаем, что «Библиотека» «не составляет одного целого с Петербургским комитетом, а должна существовать отдельно, не прерывая сношений с комитетом, своих воззваний

выпускать не будет, а будет рассылать их, если получит из комитета, также не будет иметь своей печати...»⁶¹. Совершенно ясно из этого, что ни о каком «полном расколе» и разрыве и речи не идет, — остается именно привычная связь соподчинения отделения центру. На этом собрании никто не порочит Центральный Комитет, никто не ставит вопроса о разрыве. К тому же речь идет о «Библиотеке Казанских студентов» — «оболочке» Московской организации «Земли и Воли». Назвать эту оболочку «одним целым» с Центральным Комитетом, разумеется, нельзя. Поэтому никак нельзя опираться на приведенное свидетельство, как на довод в пользу полного откола Московской организации и превращения ее в самостоятельное общество. В силу этого, выбирая между двумя версиями, исследователь может, на мой взгляд, не колеблясь, отвергнуть версию Мосолова и принять наиболее правдоподобное предположение, что программа, прочитанная на Московском совещании, и была общей программой «Земли и Воли»⁶².

В чем же она состояла?

Она легко реконструируется в своих главных положениях на основе нескольких показаний И. Андрущенко, подтвержденных В. Шатиловым, и дополнений Я. Сулина и других подсудимых. Сохраним в ее изложении формулировку лиц, дававших показания, лишь расчленим их для удобства разбора по пунктам и введем для наглядности обозначения порядковую нумерацию. Последняя будет соответствовать в основном порядку, принятому в показаниях.

1. «Демократически-республиканский строй» (показание Я. Сулина)⁶³.

2. «Правление, выборное по областям, с главным избранным сеймом в Петербурге или в Москве» (это и следующие показания до условного пункта 5 принадлежат Андрущенко и подтверждены Н. Шатиловым)⁶⁴.

3. «Изменение городского и сельского быта в общины».

4. «Уничтожение частной собственности»;

«вся земля, фабрики, заводы и другие учреждения должны перейти в собственность государства»,

другая формулировка: «земля вся должна быть государственной и отдаваться на срок в пользование».

5. «Женщина должна пользоваться одинаковыми правами с мужчиной» (показание П. Лебединского и др.).

⁶¹ ЦГИА, ф. III отд., д. 111, лл. 34 об.—35; Ср. «Материалы», стр. 113—114.

⁶² Если принимать версию Ю. Мосолова об отколе Московской организации от «Земли и Воли» и о составлении общества «на новых началах», очевидно, логически необходимо принять и характеристику умеренно просветительной программы, выдвинутой Мосоловым. Между тем некоторые исследователи принимают версию Мосолова об организации нового общества, но... одновременно подменяют программу, признанную Мосоловым на следствии, отвергнутой им на допросах радикальной программой из показаний Андрущенко, которые как раз опротестованы Мосоловым. Нельзя согласиться с таким пониманием. Версию Мосолова, таким образом трактованную, принимает в «Казанском заговоре» Б. П. Козьмин (стр. 19—21). Концепция его такова: программа, изложенная в прокламации Н. П. Огарева «Что нужно народу», была слишком умеренной для более радикального Московского отделения, которое, по показанию Мосолова, решило ввиду своего разочарования в обществе отделиться и «составить общество на новых началах», приняв более решительную и революционную по сравнению с центром «Земли и Воли» программу Мосолова. По изложенным выше причинам нельзя согласиться с таким толкованием. Добавим, что невозможно отколоться, принять новую программу и немедленно послать того же Андрущенко агитировать на Украину, снабдив его не только новой программой, но и большим количеством экземпляров прокламации Н. Огарева «Что нужно народу», якобы отвергнутой как программа. Уже это обстоятельство дополнительно опровергает изложенную концепцию.

⁶³ ЦГИА, ф. ОППС, д. 75, л. 22. Я. Сулин получил от Ю. Мосолова программу на три дня для снятия копии и был хорошо осведомлен о ее содержании.

⁶⁴ Там же, д. 72, л. 687.

В программе были еще некоторые пункты, которых Андрущенко «не помнил». Нельзя, конечно, восполнить пробелы его показаний с гарантией точности и полноты, но можно на основе одновременных этому документу программных материалов с уверенностью утверждать, что в программу «Земли и Воли» в 1863 г. входило еще требование:

6. Созыва Земского собора или Народного собрания, т. е. учредительного собрания⁶⁵, а также

7. Признание неизбежности революции и необходимость для революционной партии руководить движением народа в революционное время⁶⁶.

Надо признать, что из всех программных документов «Земли и Воли», включая и прокламационную литературу, очень сильную своей негативной стороной — резкой критикой существовавшего в то время строя, — один из самых ценных и содержательных программных документов организации сохранился в разбираемом судебном-следственном деле: это и есть показание Андрущенко о содержании программы, дополненное показаниями других подсудимых.

Программа, основные положения которой изложены выше, с субъективной стороны — социалистическая. Объективно же она революционно-демократическая и отмечена особым радикализмом.

Объявляя землю, фабрики и заводы собственностью государства, она практически идет по пути государственного капитализма. Уничтожая частную собственность на землю, она наносит сильнейший удар помещицкому классу. Мы не располагаем многими подробностями, необходимыми для ее детального анализа, но тот общинный строй, который она прокламирует («изменение городского и сельского быта в общины»), подчеркивает ее народнический характер, впрочем еще не находящийся на первом плане. Перечисленные особенности отчетливо перекликаются с конспиративными документами лондонского центра, датируемыми 1862—1863 гг.

Поскольку в нашу задачу входит прежде всего анализ определенного судебного-следственного дела и выявление его материала в плане истории «Земли и Воли», необходимо теперь от вопросов программы перейти к характеристике практических действий организации.

6

1863 г. был годом предположенного открытого выступления «Земли и Воли». Еще когда в 1861 г. многочисленные крестьянские волнения, связанные с объявлением царской «воли», не слились в единую силу народного восстания, надежды революционеров были перенесены на 1863 г.,

⁶⁵ По формулировке «Свободы» № 1: «неуклонно и постоянно вести дело к предположенной цели — к разрушению императорского самодержавия и к торжеству народных интересов, которое должно выразиться прежде всего в созвании Народного собрания из выборных представителей свободного народа. Собрание это само определит новый общественный строй нашего свободного отечества и последним моментом деятельности общества «Земля и Воля» будет гарантия свободных выборов в Народное собрание и ограждение Собрания от всяких насильственных влияний и от притязаний имущественных и сословных привилегий».

⁶⁶ Это положение пронизывает программу «Земли и Воли» и многократно формулируется в ее прокламационной литературе. Ср. в «Свободе» № 1 «...организация наша составила из людей непоколебимо убежденных и по слишком очевидным данным, что при неспособности правительства, революция в России неизбежна, что она не и не может разразиться в восстании ограбленного и подавленного народа и что при жестокости и тупоумии правительства она может получить исполнские размеры кровавой драмы, если все или, по крайней мере большинство, способное и честное из образованных классов, не станет на сторону доведенного до восстания народа и не обессилит тем самым окончательно правительства, лишив его какой бы то ни было пользы в диком упорстве. Таким образом, выступая на борьбу с правительством за права народные, Народный Комитет в настоящее время ставит себе одну из задач — привлечение образованных классов на сторону интересов народа и, значит, их собственных».

когда — в соответствии с «Положениями» — истекал срок временно-обязанного состояния.

Вопрос о планах выступления в 1863 г. — планах и на этот раз рухнувших — является, на мой взгляд, основным в тех глубоких разногласиях, которые волнуют организацию. Они наиболее касаются именно ее практической деятельности. Пришло ли время выступать, можно ли дать сигнал всенародного выступления, созрели ли для этого обстоятельства или Россия еще не готова к выступлению, — вот вопросы, наиболее волновавшие членов тайного общества.

Андрущенко по поручению Ю. Мосолова должен был узнать у П. Пушторского не только о том, скоро ли будет отпечатана и прислана программа, но и «вообще обо всем относительно намерений Комитета». В связи с этим Пушторский, сообщив нечто определенное о программе, не мог сказать ничего ясного в ответ на второй вопрос. «Относительно же намерений Комитета, — гласит показание И. Андрущенко, — Пушторский не мог сообщить ничего положительного, потому что, сколько известно Пушторскому, в Комитете вышло по какому-то предмету разногласие». Как видим, вопросы программы отделены от вопросов о намерениях, и по прямому смыслу свидетельства разногласия в Комитете относятся к его «намерениям», то есть к предположенным действиям. Иван Кельсиев, оказавшись за границей, сейчас же написал, по собственному свидетельству, «длиннейшее послание Комитету, в котором излагал все, что он (Комитет. — М. Н.) не делает и все, что он может делать»⁶⁷. Очевидно, в этой форме также критикуется практическая деятельность Центрального Комитета. («Делает Ком[итет], по моему мнению, очень мало, однако дело все-таки идет») ⁶⁸. Письмо И. Кельсиева к Центральному Комитету не дошло до нас, но, сопоставляя это свидетельство с рядом других, мы можем с большой долей уверенности предположить, что разногласия внутри «Земли и Воли» были связаны не с программой, а с практическими вопросами действия, в центре которых для 1863 г., особенно для первой его половины, стоял вопрос о реализации задуманного еще ранее плана организовать широкое крестьянское восстание, которое предположительно намечалось на весну 1863 г. Вопрос связывался с помощью польскому восстанию. Осенью 1862 г. переговоры между Польским Центральным Комитетом и лондонским центром, с одной стороны (Н. П. Огарев, А. И. Герцен), и внутрирусским центром — Центральным Комитетом «Земли и Воли» в Петербурге — прошли в основном успешно и увенчались договоренностью выступать совместно. Польский центр тогда еще не мог предвидеть событий января 1863 г. Поэтому, несмотря на известную условность принятых обязательств (решал не простой сигнал к действию, данный революционной организацией, а состояние народного движения, степень готовности крестьянских масс к восстанию), исход осенних переговоров с поляками надо считать в основном успешным. Внезапный и произвольный рекрутский набор, объявленный в Польше в январе 1863 г., и особая создавшаяся там ситуация заставила поляков выступить с точки зрения достигнутого соглашения преждевременно. Не раскол «Земли и Воли», а глубокое в ней разногласие вызвал вопрос о возможности выступления. Это, видимо, и есть то основное разногласие в Центральном Комитете, о котором упомянул (не раскрывая его) Пушторский в разговоре с Андрущенко в начале мая 1863 г. и о котором последний слышал еще ранее от Ю. Мосолова.

Освещение Казанского заговора 1863 г. не входит в мою задачу. Необходимо коснуться лишь некоторых связанных с ним вопросов.

⁶⁷ «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 109.

⁶⁸ Там же.

Предположение М. К. Лемке (едва ли не внушенное А. Слепцову им самим), что один из активных участников и организаторов Казанского заговора — поручик 48 пехотного Одесского полка М. А. Черняк был членом Казанского отделения «Земли и Воли» — не выдерживает критики. Б. П. Козьмин в своей работе о Казанском заговоре справедливо усомнился в правильности этого утверждения⁶⁹ и отметил, что Черняк до приезда его в Казань в марте 1863 г. с целью организации восстания в Поволжье не бывал в этом городе ранее и в местную организацию не входил⁷⁰. На мой взгляд, правдоподобнее всего предположить, что Черняк — член военной организации «Земли и Воли», как, возможно, и другой участник Казанского заговора — поручик 4 резервного батальона Томского пехотного полка — Александр Мрочек (оба расстреляны по этому делу)⁷¹. Казанский заговор никак не укладывается в не критически принятую и утвердившуюся благодаря Л. Пантелееву концепцию действия чисто польской подпольной агентуры в России, «отзвука» польского восстания 1863 г. — и только. Он гораздо органичнее принадлежит русскому движению и решению обеих организаций — русской и польской — выступать совместно. В «Краткой Записке» из дела, произведенного Главной Следственной Комиссией по политическим делам «...о замыслах некоторых лиц произвести в Казани вооруженное восстание», точно передано выступление А. Черняка перед группой причастных к «Земле и Воле» казанских студентов. Черняк назвал себя агентом русского революционного комитета «Земли и Воли», сказав, что приехал «из Москвы»: «Я должен признаться вам, что в Комитете нашем образовались теперь, собственно, две партии. Одна думает, что *нужно* год или два *вести пропаганду* и только ею одной ограничить свои действия; другая же партия убеждена в необходимости как можно скорее начать восстание. Первая партия никак не хочет верить донесениям агентов, что народ повсеместно недоволен своим положением и что он восстанет тотчас, как только дан будет толчок. Я принадлежу ко второй партии, партии необходимого начатия дела, и нахожу, что всего лучше начать с Казанской губернии»⁷².

План восстания был таков: начавшись в Казани, оно должно было распространиться вниз по Волге, охватить все Поволжье, отсюда перейти на Урал, Дон, а с Дона его хотели направить на соединение с Польшей. В сопоставлении с другими данными о замысле восстания весной 1863 г. в России показание это соответствует ранним общим планам и конкретным намерениям «партии» восстания. В этой связи интересно, что дело И. Андрущенко содержит данные о переписке Д. Кеневича с близкими к «Земле и Воле» лицами на Украине. Характер переписки в общем «нейтральный» и не позволяет сделать прямых выводов о подготовке выступления, но установление связей несомненно.

Таким образом, существенной стороной деятельности «Земли и Воли» весной и летом 1863 г. было поддержание связи с Польским Комитетом.

⁶⁹ Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 года, стр. 56—57.

⁷⁰ Л. Пантелеев пишет в своих воспоминаниях, что ложный манифест и попытка поднять восстание в Поволжье «была устроена поляками совершенно самостоятельно, не только без малейшего участия Комитета «Земля и Воля», но даже в секрете от него» (Л. Ф. Пантелеев. Цит. соч., стр. 293). Это утверждение не соответствует действительности, не подтверждается показаниями участников Казанского процесса, идет вразрез со всем контекстом многочисленных свидетельств о планах общего восстания в 1863 г.

⁷¹ Фамилия Мрочка занесена в офицерский список А. Потемни, опубликованный мною (документы «Пражского архива», см. «Литературное наследство», т. 61, стр. 516. Ср. комментарий на стр. 492). Фамилии А. Черняка нет в этом списке, но последний все же нельзя считать исчерпывающим (в нем нет, например, имени самого А. Потемни); по-видимому, в нем преобладают офицеры, служившие в армии, направленной в Польшу.

⁷² А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 348—349 (комментарий М. К. Лемке).

Московское отделение знало о событиях на Волге, у Мосолова и Шатилова были постоянные сношения с Поволжьем. Когда Андрущенко спросил Пушторского о планах выступления, он получил ответ, что сейчас инициативы выступления Комитет взять на себя не предполагает, но будет ожидать, когда можно будет воспользоваться каким-нибудь *сюр д'état*, удастся — хорошо, а не удастся — продолжать по-прежнему свое дело, «как ни в чем не бывало». Такова была позиция Центрального Комитета⁷³. Вопрос Андрущенко, только что прибывшего из Москвы, стоял в прямой связи с Казанским заговором и вспышкой крестьянских волнений, поскольку он сейчас же, вслед за ответом Пушторского, задал ему вопрос: «Значит, волнения, происходящие теперь на Волге, не есть дело Комитета?» (очевидно, он вынес такое впечатление из разговоров в Москве с Мосоловым и Шатиловым). В ответ на это Пушторский, соблюдая строгую конспирацию, ответил, что о волнениях этих тут ничего не известно, но неожиданно добавил: «да вы откуда знаете?»⁷⁴.

Поскольку предатель Глассон 2 апреля 1863 г. уже сделал свой донос правительству о Казанском заговоре и предварительно поставил обо всем в известность Л. Пантелеева, имевшего отношение к Петербургскому комитету, надо предположить, что в мае 1863 г., когда имел место указанный заговор, в руководящем органе «Земли и Воли» могли быть соответствующие сведения не только о самом заговоре, но и о предательстве Глассона⁷⁵. В конце зимы 1863 г., по свидетельству того же Л. Пантелеева, в Петербурге был Кеневиц, который и вел переговоры через Ровинского о необходимости поднять крестьянское восстание. Поскольку Шатилов на первом же допросе, когда он еще отрицал даже существование «Земли и Воли», признался, что слышал о каком-то тайном обществе, «выпускающем так называемые золотые грамоты», — можно усмотреть в этом показании признак осведомленности о подложном «царском манифесте», выпущенном участниками подготовлявшегося в Казани выступления⁷⁶. Известно, что автором этого манифеста был член Московского отделения «Земли и Воли» Юлий Бензенгер. Таким образом, в «расколе» «Земли и Воли» по вопросу о всеобщем восстании 1863 г. и помощи восставшей Польше Московское отделение, видимо, склонялось к «партии» восстания. В пользу этого говорят и сведения, переданные Белозерским (со слов И. Андрущенко) предателю Герасимову: Белозерский говорил, что «в деле замышляемого восстания участвуют многие лица, проживающие в разных краях Империи»⁷⁷.

В свете вопроса о глубине «раскола» «Земли и Воли» по вопросу о выступлении в 1863 г. необходимо не упускать из вида, что отношения

⁷³ ЦГИА, ф. III отд., д. 111, л. 46 об.; ср. «Материалы», стр. 123.

⁷⁴ ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 3 об.

⁷⁵ Ранее я колебалась по вопросу о предательстве Л. Пантелеева, но дополнительные данные и сопоставления теперь убеждают меня в этом. В дальнейших статьях я остановлюсь на этом вопросе более подробно (к делу Андрущенко он не имеет прямого отношения). Основное возражение С. Рейсера по этому вопросу сводится к тому, что, будь Л. Пантелеев предателем, он не был бы так сурово покаран царским правительством. Но дело в том, что первым и основным предателем был Глассон, а Пантелеев перед царским правительством имел лишь ту небольшую заслугу, что сопроводил Глассона к ген.-губернатору Суворову, «привел его к нему». Выдал заговор Глассон, а Л. Пантелеев лишь примазался к его предательству, что в глазах царского правительства и не могло придать его поступку характера особо ценной «заслуги» (отмечу, что вопрос о предательстве Л. Пантелеева правильно раскрыт Н. Шульгиным). Присоединившись к предательству Глассона, Л. Пантелеев позже не сообщил правительству своевременно данных о готовящемся побеге Н. Утина. Это и не позволило ему вполне обелиться в глазах правительства. Как показывают документы следствия, представление Суворова о смягчении участи Л. Пантелеева именно поэтому не было полностью принято при вынесении судебного приговора. Но все эти обстоятельства не лишают воспоминания Л. Пантелеева значения первоисточника для истории «Земли и Воли», только относиться к нему надо с особой осторожностью.

⁷⁶ ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 128; ср. Л. Пантелеев. Цит. соч., стр. 293.

⁷⁷ ЦГИА, ф. ОППС, д. 19, т. 1, л. 65 об.

Центрального Комитета с Польским комитетом в Петербурге не прерывались весной 1863 г. Увидевшись с Андрущенко вечером в день его приезда, Пушторский на другой же день в 2 часа дня уже мог передать ему не только положительный ответ Польского комитета об организации побега поляка Д. Квятковского (он должен был бежать одновременно с И. Кельсиевым), но и деньги для его побега. При этом была сделана оговорка, что в случае неиспользования деньги, предназначенные для побега польского революционера, должны быть возвращены в польскую кассу⁷⁸.

Замечательно, что огромное количество документов польской организации «Oguł» хранилось в Московском отделении «Земли и Воли», — их хранение организовали Мосолов и Шатилов. Сундуки с польскими документами были спрятаны Шатиловым в сарае Управления Московско-Нижегородской дороги; в них находились списки членов польских обществ, денежные расписки, «Устав банка» и большое количество выписок по истории Польши. Едва ли это был просто «архив» «Oguł'a» (организация насчитывала свыше 400 членов), очевидно, тут находились и еще не потерявшие практического значения документы польского общества.

Интересна и попытка «Земли и Воли» связаться (вторично!) с украинскими общественными организациями. При этом возлагались надежды на «Громаду», к которой в то время тяготело немало мелкобуржуазных демократических элементов, что питало надежды на укрепление их связей с «Землей и Волей». Основание отделений последней в украинских центрах было очередной задачей И. Андрущенко, который пытался выполнить ее в условиях уже рухнувшего и раскрытого Казанского заговора, но еще длящегося восстания в Польше и недавно вспыхнувшего — в Литве и Белоруссии. Среди привезенных им прокламаций — немало материала, зовущего на помощь польскому восстанию и разъясняющего его смысл.

«Через кого и когда Комитет общества «Земля и Воля» хотел соединиться с малороссийской партией?» — спрашивала следственная комиссия⁷⁹. И. Андрущенко отвечал, что соединение предполагалось в Киеве, но попытки его были безуспешны, «ибо многие из молодых людей, живущих в Киеве, которых Комитет хотел привлечь к себе, положительно отказались от пропаганды». Поинтересовавшись, кого же «хотели завербовать», Андрущенко получил от Мосолова удививший его ответ: «Антоновича, как всеми уважаемого и который своим влиянием на знакомых мог бы способствовать увеличению Комитета». «Я сказал, — продолжает показание Андрущенко, — что с Антоновичем знаком и знаю, что он действительно не намерен идти такими путями. Мосолов заметил: «На вашей обязанности будет лежать стараться склонить его»⁸⁰. Как Мосолов в Москве, так и Пушторский в Петербурге считали нужным все же сделать попытку «убедить Антоновича». Но в деле нет следов этого «убеждения» — увидевшись с Антоновичем Андрущенко не успел и повел в Чернигове переговоры с людьми другого — разночинского — типа, которых так много было тогда на Украине. Вокруг либерально-буржуазной «Громады» нередко в местных отделениях группировались демократические элементы — в одних случаях прислушивавшиеся к программе «Земли и Воли» со страхом, но и с интересом, испытывая сильные колебания, в других — соглашавшиеся с ней. Примером колеблющихся может служить организатор Черниговского отделения «Громады» хирург Степан Данилович Нос, дальний родственник Андрущенко, на квартире у которого он остановился. Живущий в скромном наемном жилище, любимый бедняками, черниговский врач (лечил неимущих бесплатно) С. Нос был лека-

⁷⁸ ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 162.

⁷⁹ Там же, л. 103 об.

⁸⁰ Там же, д. 72, л. 667.

рем еще в Крымскую войну, имел за нее медаль, затем кончил в 1858 г. университет св. Владимира в Киеве, получив звание врача и хирурга. Он боится землевольческой пропаганды, но сам — великий любитель книг и просветитель — распространяет поэму Т. Г. Шевченко «Гайдамаки» (у него нашли 197 экземпляров этой поэмы) и вместе с нею сочинения Белинского, «Полярную Звезду» Герцена и великое множество портретов, среди которых есть и портреты русских революционеров⁸¹. Он ссорится с Андрущенко за привоз в его дом прокламаций «Земли и Воли», но он же избивает черниговского полицмейстера, осмелившегося открыть при обыске чемодан с этими прокламациями. Если С. Нос явно колеблется, то связанный с «Громадой» землемер Черниговской межевой палаты Иван Маслоковец — бедняк, живущий чуть ли не на 36 руб. (!) в год, — колебаний как будто не испытывает. При обыске было захвачено письмо Маслоковца к Андрущенко с шифром $\frac{S}{ZW}$ и написанной около восторженной оценкой, начинавшейся словами «О це діло, це велико діло». На допросе было пояснено, что буквы в знаменателе означают «З(емля) и В(оля)», а в числителе «С(вобода)» — имелась в виду «Свобода» №1, орган «Земли и Воли», полученный от Андрущенко⁸². Офицер Белозерский, о котором шла речь выше, — еще один пример украинца, с сочувствием подхватившего агитацию «Земли и Воли».

У нас нет прямых свидетельств связи «Земли и Воли» с Закавказьем, однако директива Н. П. Огарева «надо скорее организовать Кавказ и Урал», данная в 1862 г. (конспиративный документ Пражской коллекции «Заграничные общества») ⁸³, заставляет с вниманием отнестись к тому факту, что при посещении П. Пушторского Андрущенко выдал у него Григория Джавахова (Джавахишвили) — участника студенческого движения, ранее сидевшего вместе с Пушторским в Петропавловской крепости. Г. Джавахишвили в это время уже находился под полицейским надзором. Надо также иметь в виду деятельность обоих Гогоберидзе (Даида и Николая).

Деятельность «Земли и Воли» в изучаемое время была сосредоточена на революционной пропаганде. Эту пропаганду не останавливает ни новая волна арестов (по Казанскому делу), ни бдительный полицейский надзор, ни чрезвычайные личные опасности для агитатора.

Какие прокламации распространяла летом 1863 г. «Земля и Воля»? Отправляясь в путь из Москвы, Андрущенко получил прокламации от Московского отделения «Земли и Воли» и повез их на Украину в большом количестве — свыше 537 экземпляров. Кроме новой программы, он вез и более раннюю программу «Земли и Воли» — «Что нужно народу» Огарева (110 экземпляров), что ясно показывает, что новая программа не считала прежнюю забракованной и противоречащей себе. Герценовские издания преобладали в его чемодане, что ясно говорит о ответственности работы Лондонского центра и о тесной связи его с практической работой «Земли и Воли» в России. В чемодане Андрущенко, кроме брошюры «Что нужно народу», было 214 экземпляров «Колокола».

⁸¹ ЦГИА, ф. ОППС, д. 19, т. I, лл. 44—45, 105 об.; д. 73, л. 1 об., 2; д. 75, лл. 57, 63—64 об. (формуляр С. Носа).

⁸² Иван Маслоковец, сын титулярного советника, учился сначала в Черниговской гимназии, но не кончил ее «за неимением средств», поступил на службу в межевую комиссию и, сменив несколько нищенских должностей, оказался (с марта 1863 г.) «межевым учеником Черниговской межевой палаты» с жалованием 36 руб. в год и с «задельной платой по 35 коп. за урок». «Иван Маслоковец вел жизнь скудную, получая за службу малое содержание» (ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 34 об.; ср. там же, л. 16 об.).

⁸³ «Литературное наследство», т. 61, стр. 510; П. Пушторский признает свое знакомство с Гогоберидзе (ЦГИА, ф. ОППС, д. 75, лл. 26 и 28). Л. Пантелеев также показывает на допросе: «В день ареста приходил к нему (Пушторскому) студент-грозин...» (Там же, л. 8 об.).

31 экземпляр «Под суд!», 16 экземпляров «С того берега» и книга «14 декабря 1825 года», то есть сделанный Н. П. Огаревым испепеляющий разбор книги М. Корфа о декабристах (переиздававшийся в русской нелегальной типографии). Он вез несколько экземпляров выпущенной Центральным Комитетом «Свободы» № 1 с печатью Комитета (издание появилось в феврале 1863 г.), прокламацию «Льетса польская кровь» и отпечатанную на длинных листках (они по форме напомнили поручику Герасимову медицинский рецепт) стихотворную прокламацию В. Курочкина «Долго нас помещики душили» (также свыше двух десятков экземпляров)⁸⁴. У него находилась также литографированная тетрадь под названием «Запад», рукописный экземпляр прокламаций «К молодому поколению» и номера «Великорусса». Особо примечательно наличие у него нескольких десятков прокламаций Казанского отделения «Долго давили Вас, братцы» (составлена учеником Н. Г. Чернышевского И. Умновым). Поскольку Андрущенко ехал с поручением и Центрального Комитета и Московского отделения, подбор прокламаций не был просто делом случая или его личного вкуса. Любопытно, что по мере прохождения по следственно-судебным инстанциям — от Черниговской полиции и тюрьмы до Петропавловской крепости, Сената и Государственного Совета эти материалы, «взятые при обыске» и как будто подлежащие строгому хранению, неудержимо таяли в своей численности, — видимо, следователи, судьи и все окружавшие их технические помощники испытывали к прокламациям острый интерес.

Полученные экземпляры Андрущенко должен был распространять преимущественно в Киеве⁸⁵. Значительную часть их ему вручил Ю. Мосолов; действительно, прокламации распространялись «из центра». Мы видим, таким образом, весь основной ряд прокламаций — вежи предыстории «Земли и Воли» — в руках ее «агента» в 1863 г. В деле Андрущенко не раз упомянуты и другие распространители прокламаций, — много раз мы встречаем ту же «брошюру» «Что нужно народу», «Свободу» № 1 и № 2. Шатилов показал на допросе, что у него лично находилось 100 экз. первого номера «Свободы» и экземпляров 20 — второго. Всего же Мосолов получил из Петербурга 500 экз. «Свободы» № 1 и 200 или 300 экземпляров «Свободы» № 2. Прокламации хранились на руках у разных членов «Земли и Воли» и были собраны перед отъездом Андрущенко. Такое хранение было определенной системой; за сохранность прокламаций отвечали отдельные члены. Так, Я. Сулин просил И. Ф. Речицкого взять хранящиеся у него прокламации, поскольку «ожидал обыска», Речицкий принес Андрущенко эти прокламации «в самый день отъезда». Сам Сулин взял новые экземпляры воззваний перед своим отъездом в Новочеркасск⁸⁶. Андрущенко хотел взять побольше казанских прокламаций «Долго давили Вас, братцы», но в Москве их больше не было. Шатилов тогда сказал ему, что лицо, приехавшее от Умнова с прокламациями, «сообщило мне, что в случае нужды я могу обратиться за прокламацией этой к Н. К. Копиченко, нижегородскому учителю, с которым я был знаком в Казани»⁸⁷. Таким образом, Московское отделение «Земли и Воли» достало в Нижегородском отделении дополнительные экземпляры казанской прокламации и послало их со своим агентом Андрущенко на Украину. Это выразительный пример связи отделений между собою и распространения общей агитационной литературы. Когда Шатилов дал Андру-

⁸⁴ ЦГИА, ф. ОППС, д. 19, т. 1, л. 32. Замечу, что прокламация «Льетса польская кровь», упомянутая при первом обыске в Чернигове, в подсчете экземпляров почему-то не фигурирует, а в дальнейшем вообще таинственно исчезает из перечня. Может быть, кто-то, оберегая А. Слепцова, умело изъясил ее из вещественных доказательств?

⁸⁵ Там же, д. 72, л. 667; ср. д. 73, л. 136; ср. «Материалы», стр. 134.

⁸⁶ ЦГИА, ф. ОППС, д. 72, лл. 667 об., 673 и др.

⁸⁷ Там же, д. 73, л. 139.

щенко эти воззвания, он сказал: «Последние экземпляры!»⁸⁸, — очевидно, он раздавал их для распространения еще раньше.

Казанское отделение просило распространять прокламацию «Долго давили Вас, братья» именно в народе. Землемер Андрущенко, по характеру своей работы часто проезжая по деревням и ночью в крестьянских хатах, должен был раздавать их непосредственно крестьянам.

Пропаганда велась и в устной форме «посредством бесед с встречающимися лицами». Прокламации разбрасывались по бульварам, оставлялись в разных общественных местах, особенно в университетах, учебных заведениях, рассылались по адресам, выбранным из адресной книги, раздавались ночью гимназистам, кадетам.

Интересна техника рассылки: руководители Московского отделения предварительно извещались, как показывает Андрущенко, «о том дне, в который воззвания, посылаемые в разные места, будут сданы на почту в Петербурге, и в этот же самый день Мосолов и Шатилов должны были в Москве сдать на почту те конверты, в которых намеревались разослать воззвания. Одновременная отправка была условлена для того, чтобы в случае, если конверты будут задержаны в Петербурге, то в Москве не могут быть остановлены в то же время, и наоборот. Лебединский объяснял мне это, когда приходил за адресами некоторых моих знакомых». При агитации использовались особые приемы последовательного воздействия: так, Андрущенко сначала познакомил Белозерского со стихотворной прокламацией «Долго нас помещики душили», а потом уже через некоторое время вручил ему «Свободу» № 1⁸⁹.

Вопрос о тайных типографиях «Земли и Воли» требует особого разбора, местом для которого в настоящей статье мы не располагаем. Несомненно наличие нескольких типографий. Обстоятельства печатания «Свободы» в Мариенгаузе в основном известны. Интересно, что Пушторский сообщил Андрущенко, что «Свобода» № 1 печаталась на четырех станках, но печатавшие не имели сноровки, печатали воззвание два месяца и потратили много денег. Существенны показания о том печатном станке, о котором Я. Сулин на допросах при первом аресте показывал, что он якобы уничтожен (речь идет о том же станке, на котором предполагали напечатать воззвание Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам»; набирал его, как известно, Я. Сулин). Новиков в живой форме передает разговор о станке с Сулиным. «Нам непременно надобно иметь свой станок», — говорил ему Новиков. — «Да он есть», — ответил Сулин. «А Вы же говорили, что уничтожили?». — «Я не хотел, чтобы Петровский знал». — «Так где же он?», — добивался Новиков. — «Ах, боже мой, да есть — закопан». «Ну, а если он испортится?». «Железный-то?»⁹⁰.

«Земля и Воля» принимает решение печатать запрещенные сочинения. Она достает их, между прочим, у московского книготорговца Эдмунда Кундта; последний за взятку получал их непосредственно из цензуры — это открылось на следствии⁹¹.

Замечательны прямые связи «Земли и Воли» с «Колоколом» и вообще с Лондонским центром. И. Кельсиев и И. Андрущенко посылают из России статьи для «Колокола». И. Андрущенко приходится сознаться в связях такого рода, посредником в которых являлся И. Головин.

Особой сферой деятельности «Земли и Воли» была организация побегов, — в связи с другими вопросами о них не раз приходилось говорить выше. Эта деятельность требовала тщательной подготовки, глубокой конспирации и неизбежного коллективного участия многих членов «Земли и Воли». Как мы уже отмечали, разрешение на организацию побега, деньги и маршруты давал Центральный Комитет. Андрущенко — главный орга-

⁸⁸ ЦГИА, ф. ОППС, д. 73, л. 183.

⁸⁹ Там же, лл. 1, 129, 162; д. 72, л. 680.

⁹⁰ «Материалы», стр. 140; ЦГИА, ф. III отд., д. 111, л. 69 об.

⁹¹ ЦГИА, ф. ОППС, д. 72, л. 677.

низатор побега Ивана Кельсиева, который блестяще удался. Связал Андрущенко с сидевшим в тюрьме Иваном Кельсиевым Л. Н. Ященко и ряд других лиц. Андрущенко достал и передал (через А. Левашова) подпилоч и веревку, сообщил адрес, где будут ждать беглеца, приготовил фальшивый паспорт, который, впрочем, не понадобился, так как земляльцам удалось достать подлинный заграничный. Сначала Кельсиева рано утром в день побега приняли в свою квартиру Ильинские, — там заранее были приготовлены краска для волос, парикмахерские принадлежности, мундир межевого ведомства (Андрущенко дал свой), которые полностью преобразили внешний облик И. Кельсиева. Ильинский из своей квартиры проводил его затем на квартиру к Мосоловым, через несколько дней Кельсиев был укрыт Ильей Савиновым, потом жил в Сокольниках у Варвары Зайцевой. В этих перемещениях помогали Я. Сулин и П. Лебединский. Сам И. Кельсиев сообщает в письме к Е. Салиас, что он укрывался у бывших студентов, связанных с Центральным Комитетом «Земли и Воли». Приведенный список не исчерпывает всех лиц, помогавших побегу, их было гораздо больше. Разработанный маршрут побега, вероятно, предполагал, как упоминалось выше, наличие членов «Земли и Воли» по дальнейшему пути побега. Блестяще был организован за границу и побег Н. Утина в начале мая 1863 г. Удалось «Земле и Воле» организовать и побег за границу Е. Гижичского и Юндзилла. Не удался побег поляка Д. Квятковского, которого захватили за подпилочкой решетки.

Известно, что «Земля и Воля» имела своих «агентов» в военном министерстве, среди жандармерии, в III отделении, в следственных и судебных органах. По воспоминаниям Гофштетера, сообщенным М. Лемке, в «Земле и Воле» по совету С. Сераковского и Ю. Огрызко был организован особый отряд («буфер»), следящий за теми, кто следил за «Землей и Волей», и помогавший арестованным. Какие-то нити к аппарату надзора, следствия и суда у «Земли и Воли» действительно были. Известно, что Н. Утина заранее предупредили о предположении с я аресте и организовали его бегство за границу. Интересующее нас дело также свидетельствует об этой деятельности в нескольких направлениях. Наличие чьей-то помогающей руки во время следствия явствует прежде всего из того, что М. Гулевич не был арестован, ни вообще привлечен к следствию. Чужь ли не через три года после начала дела обер-прокурор Сената обратил внимание на «ненормальность» этого обстоятельства: явный преступник, поименованный вместе с Пушторским, имеющий прямое отношение к Центральному Комитету организации, оказался «забыт». Но когда перед окончательным приговором обратили на это внимание, — Гулевич был уже за границей.

Показательно также похищение следственного доклада по делу Андрущенко и пересылка его в «Колокол» еще до суда. Доклад был направлен тому же М. Гулевичу частями, причем посылавший просил о соблюдении осторожности (он даже вообще просил не опубликовывать присылаемый материал). Гулевич советовал Огареву публиковать материал только после того, как дело из Сената поступит в Государственный Совет, иначе правительство легко откроет пославшего; отсюда можно с уверенностью предположить, что посылавшее материал лицо работало именно в Сенате. Это лицо имело прямую связь с Гулевичем, очевидно, было знакомо ему ранее, знало и его заграничный адрес. Допустимо предположить, что это — сам составитель отчета Переяславцев, так как только он располагал возможностью снять копию с собственноручного, весьма объемистого отчета, что требовало много времени, — сенаторам же отчет давался для чтения на короткое время (под расписку) ⁹².

⁹² То обстоятельство, что отчет посылался Герцену частями, скорее свидетельствует о какой-то постепенно снимаемой одиночной копии, нежели о коллективном одновременном снятии копии с большого документа, — тогда не возникло бы необходимости посылать частями. Ср. письмо М. С. Гулевича к А. И. Герцену — «Литературное наследство», т. 62, стр. 124.

Далее, весьма примечательна судьба Пушторского — его не только отдали на поруки П. Л. Лаврову, не только вывели из-под следствия самого Муравьева Вешателя, но вообще «освободили от ответственности» по приговору Сената. Примечательна и полная осведомленность Ивана Кельсиева по ходу следствия по его же делу, получаемая им, по его собственному свидетельству, во время пребывания в тюрьме через московскую жандармерию. К явлениям того же типа надо отнести и получение нужных «Земле и Воле» документов из Военного министерства: дело Андрущенко дает пример такого рода — Мосолов вернул Пушторскому через Андрущенко какое-то свидетельство, выданное из канцелярии военного министра или инспекторского департамента, надобность в котором у него миновала⁹³. Пушторский, получив свидетельство, интересовался, было ли оно «употреблено».

Осуществление тайных передач в тюрьму (писем, подпилков для выпиливания решеток, веревок для спуска из окна) говорило и о связях с тюремной охраной.

Деятельность «Земли и Воли» была, таким образом, разнообразна, активность организации в начале и в середине 1863 г. вне сомнений. «Земля и Воля» выбирает новый состав Центрального Комитета, вырабатывает новую программу, печатает ряд прокламаций, в том числе «Свободу» № 1 и № 2, переправляет и широко распространяет нелегальную литературу, держит связь с Лондонским центром, посылает материалы в «Колокол», собирает денежные средства для революционной работы, организует типографии, устраивает побег революционеров.

«Земля и Воля» поддерживает связь с революционной Польшей, принимает меры для связи с Украиной. «Раскол» «Земли и Воли», если употреблять этот термин, происходит не по вопросам программы, — основные разногласия идут по линии ее отношения к возможности организовать в 1863 г. общее восстание. «Казанский заговор» 1863 г. — осколок этого общего замысла, результат сговора сторонников восстания в составе «Земли и Воли» с польской революционной организацией, он органически связан с историей «Земли и Воли». После раскрытия «Казанского заговора» и ареста его участников деятельность «Земли и Воли» не замирает, а продолжается в труднейших условиях.

Следственные материалы, освещающие историю «Земли и Воли», являются драгоценным и еще почти неиспользованным источником для восстановления картины ее развития. Задачей настоящей статьи и была попытка введения в ее историю ряда данных из большого следственно-судебного комплекса — «дела И. Андрущенко»⁹⁴.

⁹³ Судя по показанию Андрущенко, речь шла о документе, связанном с отставкой какого-то штабс-капитана из военной службы.

⁹⁴ Следующая статья будет посвящена другим крупным архивным «гнездам, кающимся «Земли и Воли».

